

Дмитрий Иванов

А вместо сердца

пламенный мотор

Дмитрий Иванов

А вместо сердца пламенный мотор (сборник)

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9748229

Д. Иванов А вместо сердца пламенный мотор. Сборник рассказов: ООО "Написано пером"; С-

Петербург;

ISBN 978-5-00071-253-5

Аннотация

В некотором царстве, в кой-каком государстве-державе жила-была одна авиация... И я в том царстве жил-поживал, да в авиации подвизался.

Живёт наша авиация наперекор государственным деяниям, плохо живёт, но с надеждою на лучшее будущее.

И в связи с этими надеждами задумал я поместить львиную долю своих рассказов, так или иначе касающиеся области авиастроения и воздушного транспорта, в один сборник.

Все истории, которые вы здесь встретите, имеют под собой реальную основу.

Полагаю, найдутся люди, кому затея моя покажется вполне удачной.

Содержание

Раздел 1. Детские мечты	5
1. Вам взлёт!	5
2. Как шутили наши родители	7
Раздел 2. На пороге	11
3. Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью	11
Потерянный пассажир	16
Реактивные штаны	17
4. Курс – Южный берег Арктики или Налегке	19
Раздел 3. Когда-то...	23
5. Карточный домик	23
6. Клинический случай	28
7. В зоне отчуждения	32
8. Вахта на Ухту	46
9. Изобилие	49
10. Притча о Филькиной заднице	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Дмитрий Иванов

А вместо сердца пламенный мотор (сборник историй, связанных с авиацией)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

© Д. Иванов, 2015

© ООО «Написано пером», 2015

* * *

В некотором царстве, в кой-каком государстве-державе жила-была одна авиация... И я в том царстве жил-поживал, да в авиации процветающей подвизался. И были мы с ней не всегда близки, поскольку бросал я её на дюжину лет, но всегда взаимны и уважительны. Поначалу всё у нас с ней было прекрасно (и у меня, и у неё), но потом президенты в царстве жуткого конституционного уклада совсем голову от собственного величия потеряли, будто к мусьё Гильотену в гости сходявши, да и принялись рушить созданное за многие десятков лет.

«Не нужна народу авиация в таком виде! – кричат. – Подайте нам современную да продвинутую!» А откуда современной взяться, коли финансирование на замке, авиаторов – на пенсию? Сидят демократичные власти на суку, распилом увлѣкшись, да об отрасли воздушной вздыхают со значением – думают, если ничего не делать, так само всё рассосѣтся. Да вот только не рассасывается никак – без наличной (в виде мзды семибатюшной), али безналичной (опилки бюджетных), денежки ничего в том царстве не колосится.

Но живѣт авиация наперекор государственным деяниям, плохо живѣт, но с надеждою на лучшее будущее.

И в связи с этими надеждами задумал я поместить львиную долю своих рассказов, так или иначе касающиеся области авиастроения и воздушного транспорта, в один сборник. Полагаю, найдутся люди, кому затея моя покажется вполне удачной.

Что ещё хотелось бы отметить, прежде чем приступлю к повествованию. Все истории, которые вы здесь встретите, имеют под собой реальную основу. Они, как правило, были услышаны автором от очевидцев и/или участников событий; в некоторых из них он сам принимал деятельное участие. Другое дело, что кое-где встречаются художественные домыслы, которых никак не избежать, если пишешь беллетристику, а не публицистические статьи.

Итак, вступительное слово сказано. Тогда – от винта!

Раздел 1. Детские мечты

1. Вам взлёт!

(история моего друга Славки Салеева, часть 1)

– Любил я с пацанами в футбол гонять между домами и огородами. Жил-то на окраине Димитровграда – там, где частный сектор силился оправиться от хрущёвских налогов на частное подворье. Но это сейчас пригород. А тогда, в моём детстве, наш посёлок ещё и вовсе отдельно стоял, и в Мелекесс автобус рейсовый ходил. Вы удивлены? Вам неизвестно это название? Так Димитровград до 1972-го года назывался.

Название, говоришь, странное... Не без этого. Особенно, ежели задом наперёд прочитать... да ещё на татарском языке.

Собственно, город-то таким был долгое время, что напоминал своим видом глухую провинцию ненавистного самодержавия. Вместо тротуаров везде (кроме, пожалуй, центра) прохудившиеся дощатые панели. Асфальт на дорогах – огромная редкость, всё больше мостовая... Нет, не из брусчатки. Обычный бутовый камень раскрошенный. Летом пыль, весной и осенью грязная жижа. А зимы-то снежной и нет почти. Одним словом – полный Мелекесс.

Но сейчас не о том, о футболе и мечте: в космос уж если не самому отправиться, так корабль – мною спроектированный – туда запустить. Или – хотя бы не в космос, просто в небо.

Вернёмся к футболу, однако. Пацанам это всё-таки ближе.

Поле для игры представляло собой по форме косоугольную трапецию, немного вспученную в центре и по углам. Таким образом, мяч всегда стремился самопроизвольно укатиться в сторону каких-либо ворот, если не держать его в ногах. Со всех сторон наш импровизированный стадион ограничивался забором от соседских домов. Сбоку же поля имелся узенький проход, который выводил на улицу. Он также был сжат штaketинами забора. С виду – деревня деревней с лугом для выпаса коз по центру, а находилось-то всё это спортивное великолепие практически в городской черте. Ну, хорошо – в двух автобусных остановках.

Играть на такой площадке было крайне неудобно, поскольку мяч то и дело улетал в огород к соседям, и кому-то из игроков приходилось перелезать через забор. Хорошо, если никого из хозяев в это время не было дома, или когда урожай находился в собранном виде, а иначе всё могло закончиться и не совсем весело. Любить в ту далёкую пору соседских детей умели крепко, даже уши порой не выдерживали этакой-то симпатии.

Впрочем, данное членовредительское обстоятельство ещё не настолько сильно нас беспокоило, как нынешних правозащитников. Ради игры и сохранения мяча на ботиночной шнуровке, купленного в складчину, вполне можно и потерпеть физическое насилие и унижительные крики взрослых, которые словно бы сами никогда не были детьми и не носились по дворам с криками и улюлюканьем. Да-а-а... что там говорить – приходилось сносить и не такое, не зря же нам с самого раннего возраста внушали, что советский человек после первой не закусывает, как бы тяжело ему ни приходилось.

Однако имелся ещё один фактор, безусловно, влияющий на игру, который портил всё. В одном из углов поля нагло расположился деревянный домик, каких сейчас уже почти и не найдёшь на дачных участках народонаселения страны. Нынче всё иначе, по-европейски. А тогда – патриархально, с рубленным сердечком на дверях неказистого клозета.

И вот этот самый клозет сильно нам, футболистам, мешал, поскольку занимал значительную площадь на взгорке. Как раз на том самом пятачке, где было удобно поставить

ворота, вместо того чтобы притулять их в низинке: там таилась гнусная сырость, и произрастал рогоз – растение-мечта для каждого мальчишки среднего возраста. Из его, рогоза, стебля можно плести корзины, делать прочные верёвки, а молодые корни употреблять в пищу... Как-нибудь расскажу тебе, как мы с пацанами пекли на костре лепёшки из муки, полученной путём толчения корня рогоза, но история нынешняя не о том... В качестве поделочного материала растение – вполне себе, но как газон футбольного поля, сам понимаешь, никуда не годится.

Туалет был, собственно говоря, ничей. Когда-то давно его построил кто-то из соседей, что называется, на нейтральной территории для общего пользования. Им, вообще-то, и пользовались, но достаточно редко, поскольку благосостояние советского народа выросло до таких фантастических высот, когда каждая семья могла себе позволить индивидуальный домик для отправления известных потребностей отхожего свойства (спасибо Ю.М.Лужкову за подаренное выражение). В связи с этим раз в два-три года полагалось вызвать ассенизаторскую машину, чтоб управляющий ею золотарь произвёл чистку «авгиевых конюшен».

Ты говоришь, что городской столичный голова никогда не употреблял термин «отхожего свойства», а только что-то про аммиачную направленность в подъездах рассказывал с высокой трибуны? Что ж, соглашусь с тобой... и не соглашусь. В деталях ты, безусловно, прав, а в общем и целом... отнюдь! Но не станем отвлекаться на мелочи.

Так или иначе, а в чью-то бесшабашную голову, возможно, что и в мой разум, угнетённый разного рода домашними проблемами (в многодетной семье не всегда младшего жалеют все без исключения ассоциированные члены клана, скорее, наоборот), пришла великолепная идея.

Ой, чуть не раскололся раньше времени.

Так...

...вот... *(продолжение следует)*

2. Как шутили наши родители

(Новогодняя байка)

Дело происходило в начале 60-ых годов. Мой отец тогда работал инженером АТБ (авиационно-технической базы) в Печорском авиапредприятии. Он сюда по распределению попал после окончания КИИ ГВФ (киевский институт инженеров гражданского воздушного флота) в 1957-ом году. Естественно, у него за несколько лет работы на Севере появились здесь друзья, приятели и просто масса знакомцев.

Пожалуй, одним из самых интересных и юморных людей в этой компании был командир самолёта ЛИ-2 дядя Миша Чернобай. Он прославился тем, что, будучи в перегонке (самолёт отправили для ремонта на 406-ой завод в Минеральных водах, транспортировка шла своим ходом, как это принято в авиации всех стран мира) при каждой промежуточной посадке отправлял телеграммы на имя командира предприятия, его замов и прочих руководителей.

Текст телеграмм был на удивление разнообразным по тематике. Например: от врачей о благополучном исходе разделения сиамских близнецов (адресовано счастливому отцу, он же – командир отряда); от благодарных работниц вязально-прядельной фабрики с намерением продолжить тесные сверхплановые связи с руководством предприятия путём слияния в приступе пароксизма (телеграфистка по причине низкой образованности напечатала «марксизма» вместо «пароксизма»); от группы сидящих за столом с текстом: «Вздрогнем, а?».

Руководство в лице командира авиапредприятия оказалось не вполне готово к подобному обороту событий. САМ ходил с тщательно скрываемым изумлением на мужественных загорелых щеках и нервно курил, представляя, как доброжелатели – в лице либо секретарши, либо секретаря парткома – обязательно донесут супруге «всю правду» о моральном облике благоверного.

О причастности Чернобая к «подмётным письмам», дискредитирующим его партийную совесть, руководитель авиапредприятия совершенно не догадывался. Дело в том, что стояла отпускная пора. Командир – первый день как вернулся с курорта. Приказ на перегонку ещё до приезда был подписан. Так что начальственное удивление, когда в течение суток его завалили срочными телеграммами из разных городов о состоянии дел у его многочисленных «родственников» и внебрачных детей, можно считать вполне естественным и процентов на 50 искренним. Оставшуюся половину вероятности я бы адресовал к совести озадаченного корреспондента, сомневающегося, а вдруг, у него и в самом деле имеется родная дочь – результат неземной страсти – где-нибудь в Таганроге или Ульяновске.

Только на следующий день командир авиапредприятия ознакомился со всеми документами, которые были подписаны за время его отсутствия. Сразу стало ясно, откуда растут ноги у не на шутку повысившего активность почтового ведомства.

Я был достаточно юн в помянутые здесь легендарные годы освоения «Северов», но уже понимал «в чём фикус-покус и отчего редька горька».

Как и всякий человек, чувствующий себя вольно в закрытом водоёме того героического предзастойного времени, я воспитывался в садке вполне победившего к тому времени социализма. Победивший социализм можно охарактеризовать страстью к новинкам ширпотреба, внезапно ставшим доступными довольно широким слоям. Всяк мог выбрать себе агрегат на собственный вкус, опираясь на толщину кошелька. От неподъёмного фена с оглушительным звуком запускаемого поршневого четырнадцатилиндрового двигателя вертолёт МИ-4 (две «звезды» по семь цилиндров) до стиральной машины «Урал» с рифлёным резиновым грязно-зелёного цвета, словно у нечистого, хвостом, круглым в сечении; и бочкоподобным торсом, из которого можно было легким движением руки (да, лёгким же, я сказал,

чёрт возьми!) извлечь приспособление для отжима белья, норовившего то и дело коварно выкрутить детские пальцы непослушных мальчиков и девочек.

Из всего ширпотребовского многообразия папа выбрал магнитолау, чему я был несказанно рад.

Магнитола стояла в спальне у родителей, включившись в борьбу за звание самого объёмного предмета мебели в этой акватории. Помню, в диапазоне СВ и ДВ (средние и длинные волны) очень хорошо ловился «Маяк», голос которого сопровождал всё моё детство. «А сейчас послушайте новую композицию британского вокально-инструментального ансамбля «Жуки». Песня называется «Девушка»... Хр-хр-хр... Венгерская певица Кати Ковач с песней «Как холодно»... Адресованная другу ходит песенка по... Сегодня наши молоты намотили... Оборонная доктрина бороны... встретились с официальным... Леонид Ильич подчеркнул... в городе Тольятти... до самого Тихого океана... молодёжь живо откликнулась...»

Сверху у магнитолы имелась крышка, как у сказочного ларца, только с фиксатором, чтобы давила пальцы любопытным мальчикам не всякий раз, когда они вздумают заглянуть вовнутрь агрегата. И давила не так страшно, как в случае со стиральной машиной типа «металлический бочонок с мотором», но с той же профилактической целью.

А под крышкой чуда советской электротехники – устройство для установки магнитной ленты. Жаль только, «тип 10» с матовой поверхностью благородного цвета «кофе с каплей молока» тогда ещё не придумали. Впрочем, это я уже после оценил. А тогда рассматривал магнитолау, изучал её кишочки и забавный микрофон на привязи чёрного провода, в который потом дядя Миша Чернобай, знаменитый командир ЛИ-2 отряда Приполярной авиации, напел не одну кассету под свою семиструнную классическую гитару.

Гитара была действительно классической, для исполнения русских романсов, чего нельзя сказать о репертуаре Михаила Максимовича. В нём находилось место Высоцкому, Вертинскому и другим, не менее популярным авторам, имена которых затерялись в районе Одесского Пассажа, а песни стали по этой причине называться народными... Так и слышу... «Гулял я с ней четыре года, на пятый я ей изменил...» что-то там ещё этакое, не совсем понятное детскому уху, а потом случилось страшное... Лирический герой, которого я представлял именно таким же весёлым и задорным, как молодой дядя Миша, простудил коренной зуб... От этой мучительной боли я весь как безумный орал, а женщина-врач хохотала, я голос Маруськин узнал... Вы *верно* догадались, именно с Маруськой дядя Ми... (что это я?), герой песни гулял четыре года... Пришла пора платить по счетам, Дон Жуан с улицы Первоконного Бабеля!.. Чтoб ему!.. в ташу лешат шетыре шуба, а я как бешумный орал... (*в тазу лежат четыре зуба...*) Поделом? Может быть, может быть. Но мне было отчего-то жаль неудачливого кавалера. Теперь я знаю почему. Дядя Миша пел душой, а не голосом. Как Марк Бернес пел, а не как какой-нибудь Серёга, запряжённый в свой «многолошадёвый» «бумер» с мелодией, украденной без зазрения совести у Coolio (композиция «Gangsters paradise»). Когда человек проживает песню, ему веришь, как себе. Очевидные же вещи, право.

А магнитола та стоит сейчас у родителей на даче. Работает и справно ловит «Маяк». Дяди Мишины песни остались на кассетах, но магнитный слой на них осыпался, и теперь ничего нельзя разобрать... что же происходило в кабинете зубного врача по имени Маруся... кто кому здоровые зубы драл... Жаль. И, кстати, недавно я снова пытался установить название передового аппарата советской радиотехники начала 60-ых годов прошлого века, но так и не смог. Паспорт на магнитолау давно утерян. Правда, имеется металлический стилизованный подо что-то готическое кусок латуни, который и должен изображать название... Пялился я в него, как баран, внезапно обнаруживший незнакомую строительную обновку, пялился. Похоже, вроде на «Весну», но с каким-то латышским проскальзыванием безударных гласных. Одним словом, истина вновь осталась недоступной.

Так я обещал рассказать о шутках? Рассказываю.

Каждую весну с лёгкой руки Чернобая на протаявших полянках открывался ресторан «Пенёк». От дяди Миши и пошло такое название и эта традиция – собираться мужской компанией в ближайшем к аэропорту лесочке с распитием легковоспламеняющихся жидкостей и распеванием песен под гитару. Сейчас он, заслуженный лётчик Приполярья, на пенсии¹, живёт в Северодонецке Луганской области. Когда ваш покорный слуга учился на курсах по ПС-2000 на Северодонецком НПО «Импульс», то жил у него – от чего всё время находился в хорошем расположении духа.

Но я вновь... несколько уклонился от темы.

Итак. Начало 60-ых. Зима. Канун Нового года. Работать ночью при смене года не очень-то приятно, а сказать точнее, удовольствие ниже среднего. Поднять один фужер «по нулям» – ещё куда ни шло, но больше – ни-ни. Сменный персонал просто обязан быть трезвым. Тогда с этим делом строго было до привычности. Мог любой начальник в новогоднем кураже завалить и проверить бдительность, а также качество исполнения приказов вышестоящих и количество **не выпитого** за новогодним столом. К чему рисковать. 33-я статья в Трудовом Кодексе держала людей в узде. Вот и представьте себе: сидишь, будто неприкаянный в разгар праздника, а вся страна тем временем, как тогда говорили, в едином порыве... Все давно на заборах висят, один ты, будто дурак. Эх, да что там рассуждать, сплошное расстройство... и только...

По понятным причинам при составлении графика народ всячески от праздничного дежурства открещивался. А уж тот, кому выпадало заступать на смену непосредственно в Новогоднюю ночь, считался средоточием невезения, как минимум, на двенадцать месяцев.

Понимая всю несладкую долю «попавших» **под** Новый год, дядя Миша решил каким-то образом развеселить хотя бы диспетчера ПДСП (производственно-диспетчерская служба предприятия, *прим. автора*) и скрасить его одинокое ночное сидение в «башне» (это так на американский манер сейчас называют рабочее место диспетчера руления, иногда ещё – и взлёта-посадки).

В те героические времена, о которых веду речь, встречали наступление очередного года весело и в большой компании. Не был исключением и рассматриваемый здесь праздник.

За семейным столом Чернобаев сидели: дядя Миша с женой и детьми, начальник штаба с женой, ещё человека три холостяков. Была там и наша семья. В разгар застолья с дяди Мишиной подачи к телефону подошёл начальник штаба и соединился с кемарящим на боевом дежурстве диспетчером ПДСП. Звонок телефона в ночной тиши подхватил диспетчера за подмышки и выволок из сна. Он даже не сразу сообразил, где находится и с кем разговаривает.

Поздравив дежурного с наступающим праздником, начальник штаба выразил свою озабоченность тем, что батареи парового отопления в его кабинете плохо греют. А поскольку холод в пределах атмосферного столба стоял изрядный, возникало опасение в разморозке всей системы. Разрешить эту проблему в последний рабочий день не удалось, как вещал начальник, де, по причине замотанности и предпраздничной суеты. Так вот, продолжал штабист, было бы неплохо, если б диспетчер спустился вниз и в кабинете (запасные ключи как раз на ПДСП и висели) рядом с батареей поставил электрический обогреватель.

Но это ещё не всё. Процедура осложнялась тем, что электрический шнур на рефлекторе был коротковат для того, чтоб его к окну поставить. Поэтому диспетчеру предлагалось быстренько слепить импровизированный удлинитель. Вилка и розетка, дескать, для этого в кабинете начальника штаба имеются. Осталось добыть провод. Дядя Миша знал, что провода в

¹ история эта была написана в 2002-ом году, а в 2005-ом «летающей легенды Европейского Севера» не стало. Дядя Миша Чернобай умер

кладовой рядом с ПДСП водились во внушительном количестве. Собственно.... поэтому-то и затевалась многоходовая Новогодняя игра.

Диспетчер быстро извлёк моток электрического провода в изоляции, подходящего для удлинителя, из кандейки и доложил об этом лежащей на столе телефонной трубке. Далее он спросил штабиста, а какого размера нужно удлинитель мастерить. Начальник штаба, руководимый чутким и отзывчивым дядей Мишей, подсказал – нужно метров шесть отрезать, чтоб наверняка. Когда провод нужной длины лежал перед диспетчером, он уж было собрался идти вниз, но тут получил новые инструкции – сложить провод пополам. Он сложил. Потом его попросили свернуть провод ещё раз пополам, а потом ещё... Диспетчер с удивлением возопил: «А зачем всё это?». На что незамедлительно получил ответ от с трудом сдерживающего смех начальника штаба:

– А это затем, чтобы ты себе весь шнур мог себе в задницу засунуть!

Согласен, шутка не ахти. Даже какая-то солдафонская. Но главное было не в этом, не в этой, собственно говоря, прямолинейной фразе имени замечательных американских شوменов Бивиса и Бадхеда. Главное – впереди.

Прошло часа три. К телефону подошёл дядя Миша. На сей, раз звонок диспетчера уже не застал врасплох. Он сидел в печальных размышлениях – чем он так начальнику штаба насолил. Услышав знакомый дяди Мишин голос, поздравивший дежурного с Новым годом, пожелавший правительственных наград и неоднократного повышения по службе, диспетчер поведал другу о злодейском звонке начальника штаба.

Он и не подозревал, что его непосредственный обидчик сидит сию секунду в обнимку с его нынешним абонентом, находясь в одной компании, причём оба шутника тесно прижимаются ушами к одной трубке.

– Вот так прямо и сказал: засунь себе в задницу? – спросил дядя Миша сочувственным тоном.

– Да, так и сказал, – отвечивал диспетчер.

– А когда это случилось?..

– Да ещё перед Новым годом.

– Ну, тогда **УЖЕ МОЖЕШЬ вытащить!** – предложил дядя Миша, и рука его потянулась за рюмкой. Веселье продолжалось. Новый год шагал по стране победившего социализма.

Раздел 2. На пороге

3. Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью

(метаморфозы из жизни вертолётчиков)

*Обдавая прохожих дождём,
На крыло завалился город.
И в мостов разведённых проём
В ужасающем стоне своём
Опустил затуманенный молот.
Изливаясь ночной суете,
Слепо тычутся капли в асфальт.
На антенны колючем кресте,
Примостившись на крыши насест,
Отблеск яростных молний распят.
Перламутровым звоном зари
Улыбнётся мой ласковый город,
Яркой радугой мир одарив,
Пресность луж дождевых вспузырив,
К ветру тучи, подвесив за ворот.
Очарованный запахом гроз
Тихо ткнётся ноздрями в ладони
Вертолёта простуженный нос.
И небес очистительный пост
Мне на голову камень уронит.
Печора, апрель 1977 г.*

Зависть. Откуда она берётся? И почему со мной? С момента публикации в Интернете «Санычевской лётческой истории»² тяготила меня тоска-кручина. Действительно, почему я, человек, как-никак, связанный с воздушным флотом, не могу вспомнить ничего путного из жизни летающих собратьев. Такое обстоятельство сильно подкосило моё драгоценное здоровье. Сон стал прерывистым и тревожным. Сучение ногами в его процессе приобрело характер хронический и почти необратимый. Необходимо было предпринять что-либо ассиметричное, как учит нас всенародно избранный труженик с галер.

Я стал напряжённо производить раскопки своей порядком утрамбованной памяти в поисках нужного сюжета. Удавалось это плохо. То и дело натыкался на детские воспоминания: обписанные штанишки, так и не описанные кем-нибудь из классиков; недоеденный обед; мерзкий запах пыли в УГЛУ. Иногда мелькали перед глазами лица общаговские, родные и близкие. Они зазывали к столу, сгонять в «Казики» или, на худой конец, в «Байконур»³ или пельменную. Но времени на всё это, сами понимаете, не было.

² Имеется в виду, наверное, даже не одна, а несколько историй моего однокурсника Бутырина Олега Александровича, работающего в аэропорту города Южно-Сахалинска, размещённых на сайте выпускников ФАВТ КИИГА 1982-го года. ФАВТ КИИГА – факультет автоматики и вычислительной техники киевского института инженеров гражданской авиации.

³ «Казики» (или «Казематы»), «Байконур», пельменная – неформальные названия питейных заведений, полюбившихся студентам КИИГА в 70-ые – 80-ые годы прошлого века и составляющих в совокупности знаменитый на весь Отрядный «вермутский треугольник».

«Трудись-трудись, мой обленившийся мозг», – не давал я успокоиться мыслительному процессу. Сначала эти потуги были безрезультатны. Но вот, наконец, какие-то расплывчатые кадры стали наплывать оттуда – из недр капризной дамы-памяти. Они причудливо переплетались между собой, дразня и исчезая так же внезапно, как и появились. Но кое-что всё-таки мне удалось уцепить за хвост в последнюю секунду. Резкость устаканилась, и теперь я снова был здоров. Ну, и пусть сюжетцы неказисты и не совсем интересны и понятны широкому кругу читающей части электората. Но ведь это – значительно лучше, чем совсем ничего. И пусть теперь безжалостная рука критика ухватит меня за шиворот и унесёт в стан эклектиков от литературы – я переживать не стану. Да будет то, что будет. И никак иначе!

Печорское авиапредприятие всегда славно было своим вертолётным парком. В лучшие годы на его лугах, стоянках и перроне паслось больше тридцати МИ-8, одиннадцать МИ-6, десятка полтора МИ-2 и три, доживающих свой долгий вертолётный век, МИ-4. А ещё в специально отведённом загоне трещали и пыхтели, воняя синим дымом от бензина Б-70, два с лишним десятка «Аннушек» (АН-2) – тружениц «ещё с той войны».

Базировалась эта летающая орда не только в Печоре, но и в приписных портах: Инта, Возей, Усть-Цильма, Ижма, Усинск (тогда там ещё не было своего отряда). Всё моё сознательное детство было связано с аэропортом, где работал отец по окончании «слоновского» (механического, *прим. автора*) факультета КИИГА в 1957 году. Кстати, папа был первым дипломированным авиационным инженером в Печоре.

Общался я преимущественно со сверстниками, чьи родители так или иначе были связаны с авиацией Европейского Севера, разговоры дома с гостями отца происходили на темы летающей техники. Он сам периодически помогал заочникам с чертежами самолётов и вертолётот, порезанных с нечеловеческой изощрённостью только лишь силою воображения то вдоль, то поперёк шпангоутов.

Нередко в те времена мне приходилось ходить на обед в столовую аэропорта «Полёт» (когда мама уезжала в командировки). Там кормили очень славно. Обслуживание было на высшем уровне. На столах всегда салфетки, ножи, специи. А вокруг снуют официантки.

Тогда ещё не возбранялось горячительное, и в буфете симпатичные девицы в накрахмаленных передниках то и дело совершали разлив кому водки, кому сухого вина (преимущественно болгарского), а кому и чистого питьевого спирта. Но дисциплина **БЫЛА**, поэтому лётчики и технари позволяли себе только после смены. Лётчики называли «остограммливание» за стойкой послеполётной подготовкой или разбором полётов. Днём же недра буфета исследовали в основном пассажиры с задержанных рейсов, вахтовики с буровых, ожидающие вылета и, вы не поверите, ненцы-оленеводы, которые частенько в то время гоняли стада мимо Печоры, всякий раз не преминув заглянуть, так сказать, в центр местной цивилизации.

Это сейчас все олени пастбища загажены нефтегазовыми разработками и южнее 69-ой параллели ненцев с хореем (палка для управления оленьей упряжкой, *прим. автора*) уже не встретишь. А тогда – запросто. Даже на проводах зимы детей катали верхом на бессловесных северных животных или в санях-нартах, ими же запряженных.

Очень чётко запечатлелась в мозгу одна интересная встреча с представителем ненецкого народа в «Полёте». Я пришёл к отцу на обед. Мы заняли места и ожидали, когда официантка принесёт нам даров местной кухни. В это время за столиками, расположенными ближе к входу, произошло сильное оживление. Все головы мгновенно повернулись в том направлении. Действительно, картина открылась замечательная.

В столовую вошёл оленевод в своей национальной зимней одежде: торбасах (сапоги-ползунки, сшитые из оленьих шкур) и малице (балахон с капюшоном и рукавами также из шкур, полами волочащийся по земле). Красное, обветренное от морозных ветров лицо с еле заметными глазами сияло, будто блин на масленицу, карабин за спиной зловеще отливал

инеем. Ненец поставил в угол хорей, снял рукавицы (конечно же, тоже из шкуры оленя) и направился к буфетной стойке. Здесь он быстро получил из ловких рук буфетчицы стакан с дымящейся (так мне показалось) от собственного величия жидкостью. Ранее она – эта жидкость – обитала в обычной пол-литровой бутылки голубого стекла с маленькой синей надписью на неприметной наклейке «спирт питьевой».

Оленевод делово и с глубоким знанием предмета небольшими глотками осушил всё до капли, вытер губы и не спеша извлёк из-под малицы огромный нож с ручкой, вырезанной из берцовой кости оленя. Буфетчица быстро поставила на стойку огромную разделочную доску. Ещё одним лёгким движением руки фокусника ненец, вытащил из недр малицы приличный кусок замороженного сырого мяса, но с которого от внезапно обрётённого человеческого тепла уже начала капать вязкая оленья кровь.

Он ловко откромсал себе тонкую полоску и закинул в рот, отвергнув предложенную буфетчицей соль – дескать, только вкус портит. Оленевод, стоял независимый и отстранённый, будто не замечая сотни пар глаз, упёршихся в его незатейливый бытовой процесс. Когда мясо закончилось, ненец рукавом малицы аккуратно вытер стойку от кровавых разводов и удалился к запряжённым нартам, ритмично покачиваемый на ходу парами спирта, весом карабина и тяжестью в неприхотливом желудке. Он уже представлял себе длинную северную дорогу, весёлую лунную рожицу, которая будет подмигивать ему с чёрного неба и тугую прозрачность морозного воздуха, замутнённого оленьим дыханием. Иэ-э-э-хха!

* * *

В те мифологически далёкие времена и мне довелось поработать на славу родного вертолётного флота в качестве маленького винтика, а попросту – авиамоториста участка МИ-2, МИ-4. О том, как я оказался там, рассказывать не стану. Это отдельная история.

Жизнь на участке проходила нескучно и порой очень напряжённо. К предполётному и послеполётному обслуживанию меня, естественно, не допускали. Молод ещё и к тому же – без механического образования. Но вот регламенты – это моё. Правда, только те, которые касаются смазки, но зато трудоёмко и очень забавно – могу понять токсикоманов. Бывало, так нанюхаешься бензинового амбре вперемешку с керосином и циапимом или АМСГ, что вечером от тебя шарахается рабочий люд, попадающий на пути к дому.

В минуты затишья, когда борты разлетались по своим таким нужным государству делам, а регламентов не было, технический персонал участка принимался за развлечения. Главным из них была игра на шахматной доске при помощи шашек, напоминающая «короткие» нарды и с очень неприличным названием. Но в отличие от нардов количество игроков могло быть от двух до четырёх. Для этой цели на участке присутствовало две коробки шашек разных цветов. Если кто-то заинтересуется точным названием, я его могу только шепнуть на ушко (да и то в темноте). А вот правила, пожалуй, не вспомню.

Хорошо-хорошо, уговорили. Название у этой игры было очень и очень неприличное, я даже покраснел – *мандавошка*. Люди от авиации должны быть в курсе.

Игровой процесс проходил под дружные крики болельщиков и улюлюканье, что зачастую приводило в неистовство начальника участка. Он прибежал в наш балок с лицом разъярённого тролля, хватал шахматную доску в руку, распахивал шашки по карманам и мчался в лесочек неподалёку, чтобы захоронить эти «мерзостные отходы человеческих пороков», основанные на низменном азарте и пережитках прошлого. При отходе в мелкий сосняк с трофеями он петлял, путал следы, чтобы никто не догадался, где он будет глумиться над атрибутами игротехи. Но это почти никогда не помогало. Заранее расставленные посты отменно выслеживали «дичь» и откапывали и доску, и шашки. На следующий день всё повторялось снова. Следить за этим цирком было уморительно.

Устроился я на работу в апреле – по холодку, а в июне наступила жуткая жара. Это иногда случается в наших краях – ещё снег толком не сошёл, а уже солнце начинает наяривать так – чисто Анталия. По случаю удачного лета к зданию аэропорта подкатили бочку с квасом. Авиационный народ периодически выскакивал с разнообразной тарой за этим прохладительным напитком, чтобы рабочий день коротался с большей пользой и меньшими потерями... жидкости в организмах трудящихся.

Технари нашего участка обычно ходили на территорию через дырку в заборе. Так было значительно ближе, чем тащиться через проходную, перрон, рулёжки и стоянки. А в эту жару, стал я замечать, что все, как один, зачастили по правильному пути. Я не придал этому значения – наверное, просто квас по дороге покупают. Так оно и было. Но вот ведь удивительно что – стали в обеденный перерыв молочными флягами квас на участок таскать. Причём – выходят гонцы через проходную, а фляги назад прут в далёкий обход по проторенным тропам, на которые ВОХРа (военизированная охрана, *прим. автора*) глазки пока закрывала (до попадания под раздачу какой-нибудь жутко наблюдательной комиссии).

Зачем так много кваса? Столько вся наша бригада за смену не выпьет. А хранить его – нет условий ввиду отсутствия холодильника. Как раз в этом-то и была изюминка, как в прямом, так и в переносном смысле. Наши «деды» во главе с бригадиром, приученные к различным тонкостям смазки вертолётного нутра, смело добавляли в квас различные присадки. Основной из них, конечно же, был изюм, а также – горсточка риса. Через пару дней отдельных технарей в буквальном смысле слова начали транспортировать с работы наподобие тяжелобольных, ибо способность к самостоятельному передвижению к концу изнурительной смены, сдобренной пенным напитком, они теряли начисто.

В одну из пятниц, после расправы с флягой «кваса», бригадир впервые предложил мне на завтра подежурить самостоятельно, так как я оказался единственным разумно мыслящим субъектом на участке в тот судьбоносный момент.

– Слить отстой керосина ты сможешь, проверить наличие контровочной проволоки в нужных местах и всё-такое... А с командиром вертолётной эскадрильи МИ-2 я договорился, – вещал мне Анатолий Иванович (так звали моего непосредственного начальника), – он не заложит.

Благо в наряде стоял только один борт. Все остальные разлетелись по оперативным точкам. И что самое главное – на этой «спарке» (вертолёт с двойным управлением для обучения начинающих пилотов в совместном полёте с инструктором, *прим. автора*) должен был лететь выше помянутый командир эскадрильи.

Дыхание бригадира благоухало хлебным квасным духом с виноградным (видать, от изюма) уклоном. Если бы не тяжелые бригадирские веки и нечёткая фиксация движений, его можно было принять за совершенно трезвого добропорядочного клерка, выпившего терпкого тёплого кваса после окончания рабочей смены где-нибудь возле своей конторы по разделке рогов и копыт. С начальством, хоть и не совсем трезвым, очень-то не поспоришь. Поэтому я согласился и отправился домой. А весёлая бригада направилась в пивбар (единственный тогда в Печоре), чтобы принять участие в замечательной народной забаве «прорваться к стойке с трёхлитровыми банками». В заведение как раз завезли чешское пиво, а потому торговля предполагалась либо до последнего посетителя, либо «до последней капли». Второе – более вероятно: дефицита посетителей у нас в городе никогда не наблюдалось.

Суббота. Прибыв на участок в шесть часов утра, я быстро, но внимательно изучил, что необходимо проделать в процессе предполётной подготовки, чтобы позже не ударить в грязь лицом перед замечательным лётчиком. Саня Нос (по фамилии Носов), командир эскадрильи, действительно был вертолётчиком, как говорят, от Бога. Я говорю «был», потому что комэска погиб спустя пять лет, налетев над безымянной речкой в глубине Печорского края

на телеграфную линию, не обозначенную на полётных картах (её ещё не успели сдать связисты). Погиб, выполняя санзадание. Причём все пассажиры остались живы (в том числе и беременная женщина, которую нужно было доставить в город), а Сане пробило грудную клетку деревом через блистер, когда он протискивал вертолёт на маленький пятачок, совершая аварийную посадку.

В назначенное время, в соответствии с полётным заданием, у «спарки» будто из-под земли возник Нос – красивый тридцатилетний брюнет, любимец женщин и начальства.

– Ну, что, студент, Машка готова? – обратился он ко мне.

Машкой Саня любовно называл «спарку». Я начал было что-то мямлить и полез в балок за стремянкой.

– Ты, парень, не егози. Сольёшь после заправки отстой керосина, а я тут сам всё гляну, – остановил он меня.

После окончания процедуры предполётного осмотра командир вызвал заправщик, который не замедлил притащить своё толстое, набитое керосином ТС-1 брюхо к стоянке.

Наконец, все процедуры закончены: отстой слит, двигатели запущены на «холостом ходу», командир получил разрешение на руление. Можно взлетать. Саня высунулся в форточку и, перекрывая гул турбин, крикнул:

– Давай, студент, залезай на место второго пилота! Может, никогда больше не удастся вертолёт поуправлять! Смелее!

Мои сомнения на предмет проверки порядка на участке каким-либо занудливым инженером он отверг, как совершенно несущественные и чуть не силой втащил в кабину.

Взлетели. Сделали круг над Печорой, и Нос направил МИ-2 в сторону Урала. Тогда я впервые увидел Саблинский хребет во всей его красе с воздуха. Саня очень изящно обогнул главную вершину, чуть не касаясь её колёсами. Впечатлило! Особенно наличие внизу четырёх ярких фигурок, рвущихся к вершине. Ледник Гофмана отливал первозданной белизной, играя на блистерах солнечными зайчиками. Я уже давно окончательно проснулся и глядел во все глаза на красоты Приполярного Урала, открытые мне Саней.

Сделав разворот, Нос начал набирать высоту, взяв обратный курс. Если мне не изменяет память, заняли эшелон 2100, главный пик Сабли остался далеко внизу. Тут ладонь лётчика легла на моё запястье, и Носов предложил мне самостоятельно подержать ручку «шаг-газа» и почувствовать машину. МИ-2, будто поняв, что «в седле» новичок, начал мотыляться как галстук в аэродинамической трубе. Изредка Саня помогал мне выравнивать машину со своего инструкторского места. Через несколько минут я был измотан, как после изнурительного заплыва на три километра в открытой воде. Теперь стала окончательно понятна поговорка вторых пилотов: «Наше дело правое – не мешать левому!». Под левым подразумевался командир, сидящий в левом кресле.

Минут десять я приходил в себя. И вдруг двигатели одновременно выключились, и машина начала стремительно приближаться к земле (хотя, это мне только так показалось, что стремительно). Меня приподняло на ремнях почти под самую обшивку, содержимое желудка упёрлось в стиснутые зубы... Я взглянул на Носа. А он только хитро улыбался, дескать, не дрейфь, партнёр! Двигатели запустились, и «спарка» снова принялась набирать высоту.

– Что, пересрался, студент? – спросил весело Саня. – Я просто проверил тебя на авторотации. Всё под контролем. Даже не сомневайся. Это же не самолёт – здесь винты создают эффект парашютирования.

После посадки в Печоре меня продолжало мутить. Я еле выполз на раскалённый бетон. Саня стоял рядом и заботливо предлагал минералки.

– Ничего-ничего, со всеми так в первый раз, – подбадривал он меня. – Ты же не лётчик, в конце концов, тебе положено...

Доложив диспетчеру ПДСП, что МИ-2 зарулил на стоянку, Нос самостоятельно снял барограф-самописец (а это моя работа) и, высунув язык от усердия, что-то пририсовал к очень объективной картинке полёта. После этого мы ещё немного постояли вместе. И тут, видимо, считая нужным окончательно произвести меня в разряд летающих граждан, Саня рассказал пару баек из жизни вертолётчиков.

После окончания Бугурусланского лётного училища, Носу почти совсем не удалось полетать на АН-2. Он быстро попал «в струю» и переучился на МИ-2 и МИ-8 в Кременчуге. Сначала, как водится, был вторым пилотом МИ-8. Пока опыта не набрался. Именно тогда и произошли с ним эти две достаточно забавные истории.

Потерянный пассажир

(зимняя байка)

Однажды в студёную зимнюю пору Санин экипаж вылетел на буровую, чтобы поместить вахты. Туда летели без приключений, поскольку геологам полагалось впрячься в работу с места в карьер. Они сидели в вертолёте, осмысливая, как начнут свои трудовые будни – песен не пели, не буянили, управлять воздушным судном не мешали. Вот и буровая вышка в окружении домиков-балков выросла посреди снежной бескрайности. Сели. Экипаж пошёл на буровую обедать, ожидая пока произойдёт пересменка в стане заказчика.

Отъезжающие на «большую землю» разведчики недр, как это водится, сразу затарились у сменщиков горячительными продуктами и загружались в вертолёт, попутно прикладываясь к бутылкам, привезённым предусмотрительными партнёрами. На буровой-то сухой закон, а до города ещё терпеть и терпеть, вот и происходили то и дело передачи эстафетных палочек в таком этиловом духе. А в полёте-то выпивать не позволит бдительный бортмеханик. Так что надирались быстро, буквально – минут за десять-пятнадцать – пока экипаж перекусывает в столовой.

Долго ли – коротко ли, только загрузка закончилась. Лётчики заняли свои места. Бортмеханик проверил, чтобы, не дай бог, никто не уселся на задние створки. При достаточно большой нагрузке они могут и распахнуться в самый неподходящий момент – уж больно на них замки хлипкие. Хотя буровики всё это знают сами и даже подписку дают, но проверить не мешает. Всё нормально. Взлетели.

Пассажиры после бурных возлияний и – стомлённые вертолётным теплом от электрической печки – почти сразу заснули. Борт подсел ещё на одну буровую, чтобы забрать больного. Первая партия разведчиков недр дрыхла без задних ног. Спали все как один. Тут, вероятно, бортмеханик и потерял бдительность. Ещё только машина начала высоту набирать, а уже в кабину к экипажу стучит тот самый больной и орёт благим матом:

– Человек за бортом!

Бортмеханик выглянул в салон и ошалел. Развалившись на мешках со спальниками и рюкзаках, в салоне мирно посапывали вахтовики, погрузившиеся в мир хмельного Морфея. Но одного пассажира не хватало. На место его нахождения явно указывали распахнутые задние створки. По кабине гулял холодный зимний ветер со снегом.

Высота ещё была небольшая – метров сто. Да и отлетели недалеко – вот она буровая. Видна отчётливо в только начавших сгущаться сумерках. Командир срочно принялся снижать вертолёт, а больной с бортмехаником и вторым пилотом (Саней Носом) откатывали почти неживые тела от зияющих створок. Подсели «на висении» над огромным сугробом. Обороты минимальные, чтоб снежный вихрь не поднялся. Хорошо, что дело ближе к весне было – снег слежавшийся, оледеневший сверху.

Выскочили на поиски погибшего. Разумеется, погибшего – а то ещё, какого! У всего экипажа в голове мысли об ответственности, лишении пилотских свидетельств. Пьяные пас-

сажиры проснулись от шума. Орут, сеют панику в собственных рядах и создают лишнюю суету. В общем, ситуация аховая. Саня с бортачом почти по шею в снегу (наст легко проламывается под их весом) полезли в направлении, указанном командиром – тот в свете включённого прожектора при снижении сумел разглядеть тёмное пятно на белом покрывале лесотундры. Ползли члены экипажа достаточно долго, хотя и расстояние от подсевшей вертушки небольшое. Пришлось в низину спускаться. Наконец, достигли цели.

Из снега торчит одна макушка шапки-ушанки и слышен мощный храп, заглушающий звуки работающих двигателей. Сразу от сердца отлегло. Жив! Просто чудо какое-то!

Но как же уцелел «героический алконавт»? Поначалу всё воспринималось, будто чудо эзотерического свойства. Потом уже сообразили, что вывалившееся из створок тело угодило на край длинного холма, пробило тонкую ледяную корку и по касательной в чреве глубокого сугроба съехало на дно оврага, как олимпийцы на спортивных санях. Трасса движения отчётливо запечатлелась на снежном покрове.

Итак, теперь нужно оттранспортировать спящего «новорождённого» на борт. Саня со злостью стал лупить его по щекам, чтобы тот пришёл в себя и лично двигался в заданном направлении. Буровик отреагировал весьма своеобразно и неожиданно для «убиенного покойника». Он заехал Носу в глаз. И как знать, может, быть теперь бы он погиб уже по другой, более прозаической, причине, если бы не бортмеханик, удержавший второго пилота от рукоприкладства.

Командир тем временем принял ещё одно правильное решение. Он взлетел и тут же сел на буровой. Оттуда на «Буране» (двухместный снегоход производства Рыбинского НПО «Сатурн», *прим. автора*) с прицепом доставили «потерпевшего» и его «спасителей» на борт МИ-8. Оставшуюся часть пути Носу запретили выглядывать в салон, кабы чего не вышло.

Комиссия по расследованию происшествия наказала бортмеханика и командира, лишив на год пилотских удостоверений. Но ввиду нехватки экипажей их быстро амнистировали. А Саня Нос отделался лёгким испугом и получил сатисфакцию в виде сёмги килограмм на семь от своего «потерпевшего» обидчика – как говорится, за моральные страдания и телесные повреждения лёгкой степени тяжести.

Реактивные штаны

(летняя байка)

Эта история тоже приключилась на буровой. Но уже летом.

Обычный рейс с заменой бригады нефтяников. Опять обед во время погрузки. Бортмеханик внимательно следит за тем, чтобы буровики правильно укладывали ящики с инструментом, не нарушая центровки вертолёт, и НЕ ПИЛИ в процессе работы. Всё идёт хорошо и споро, можно сказать, весело идёт. Начинается посадка людей на борт.

Кто-то из буровиков по одному ему известной причине решил не везти в город следы своей трудовой деятельности в виде жирных масляных пятен на рабочих штанах от спецовки. Он переоделся около вертолёт, а свои выдавшие виды брюки скинул на землю, возле тархтящего Ми-8. Командир прибавил обороты, уже готов был к взлёту. И тут вдруг левый двигатель чихнул и заглох. Прodelав все необходимые в таких случаях действия, командир убедился, что уж если он и взлетит на этой машине, то явно не сегодня.

Бортмеханик быстро залез на откинутую створку редуктора, рассмотрел двигатель и обнаружил в покорёженных лопатках злополучные штаны, небрежно скинутые неосмотрительным буровиком. Они и на землю упасть не успели, как форсированные турбины засосали несвежий предмет одежды, погнув лопатки. Теоретически подобный форс-мажор возможен, но с крайне небольшой вероятностью, однако жизнь настолько непредсказуемая штука...

Чем закончилась эта история? Новый двигатель доставили на подвеске. МИ-8 обрёл новую жизнь. А вот понёс ли кто-нибудь материальную ответственность – об этом мне доподлинно неизвестно, а распространять слухи не хотелось бы.

* * *

Вот, пожалуй, и всё, что я хотел рассказать. Давно уже нет такого оживления в Печорском аэропорту. Канули в лету очереди за билетами, желающих улететь до Ухты всего за 10 рублей, до Сыктывкара – за 15, до Москвы – за 37, а до далёкого, но милого мне Киева – за 50. Нет столпотворения в службе ПАНХ (применение авиации в народном хозяйстве, *прим. автора*), заказчики не валят косяком к инженерам по работе с заказчиком (теперь он скучает в одиночестве). Но что-то подсказывает мне – придёт такое время, когда радостный круглосуточный гул вертолётных турбин снова наполнит промышленные звуки моего маленького северного города своим призывным свистом.

4. Курс – Южный берег Арктики или Налегке

(это ты, Чукотка?)

Киев, милый Киев. Сказочный период благословенного застоя. Институт инженеров гражданской авиации.

Годы учёбы, полные не только познаний, которые с точки зрения классических философских концепций, преумножают страдания души, пролетали быстро со скоростью сказочного ковра-самолёта. Нам, собственно, было не до этих учений гуманитарного толка, которые с большой натяжкой можно назвать научными. Мы наслаждались жизнью в полной мере, не давая новым страданиям посеять свои горькие зёрна в бесшабашных головах. Сделать это довольно просто путём регулярных пропусков занятий и «ковровым бомбометанием» на экзаменах из импровизированных внутренних карманов, напоминающих больше носовые платки, пришитые наспех к подкладке форменных пиджаков, нежели означенные «бомболюки».

Наумов, мой дружок с факультета аэропортов, уже писал диплом, когда я ещё не задумывался о будущем и прожигал жизнь с тем пылом-жаром, как это и положено учащемуся четвёртого курса. Ничего в том удивительного нет, если вспомнить старинную студенческую мудрость: два с половиной – три года ты работаешь на свой авторитет, а потом он начинает работать на тебя, и учёба становится не просто интересной, но и лёгкой. Если, разумеется, первая половина срока не была растрчена понапрасну. Преподаватели уже знают, что можно от тебя ожидать и потому иногда дают слабинку на зачётах и экзаменах, оправдывая свою щедрость теми ожиданиями, которыми ты сумел щедро напитать их воображение несколько ранее.

Но – к делу! В середине мая Игорь разыскал меня в институте и обратился с довольно странной просьбой.

– Понимаешь, – говорил он, – диплом я почти закончил. Записка практически готова. Чертежи коммуникаций аэропорта местного значения и здания аэровокзала уже начерчены в туши. Не хватает пары плакатов. И, хоть убей, ничего не могу придумать, что бы на них изобразить. Вернее, могу, но стандартное мне не нравится. Так вот, пораскинул я мозгами, а не АСУчить ли мой аэропорт? Можно в записке прогнать эту главу «на шару». Всё равно в комиссии спецов по автоматике не будет. Главное, чтобы пара структурных схем по этой автоматизации смотрелась на плакатах солидно. Здорово я придумал, правда? Ни у кого нет. У меня есть. Чёрный верх, белый низ. Не просто дефицит, а очень стильный. Желаете ли вы, сударь, приложить, к этому безобразию свою светлую голову?

Умеет Наумов заинтересовать. Про светлую голову он, действительно, красиво придумал. Как же тут не согласиться? Да, совершенно невозможно же ему отказать. Тем более – на кону ящик пива стоит в бутылочках фигурных, в виде православных церквей с маковками. Как-никак, полуторатысячелетний юбилей матери городов русских вот-вот разгуляется на полную катушку. Вот пивзаводы и на заказывали себе замысловатую тару, стилизованную к круглой дате.

Взялся я за дело, быстро аэропорт провинциальный в цвета мирового прогресса раскрасил. Кругом терминалов наставил, подключённых к головной ЭВМ бесстыдной серии ЕС, с девичьей фамилией IBM. Красиво всё на уровне структурок выходило. Автомобили о расходе горючего докладывают, чумазый техник ГСМ про списание «мазуты» сообщить не забывает железяке электронной, плановый отдел планирует вовсю и на перфокартах свои мысли невнятно излагает, бухгалтерия экономит государственные средства (и не только за счёт заработной платы!) не сходя с клавиатуры. Загляденье! Конфетка! Одним словом – приходи, кума, любоваться! Да, и плакатов не два, а целых три получилось.

На защиту к Наумову мне попасть не удалось. Тогда министр обороны при помощи своих подручных нас с однокурсниками за шиворот схватил и в Нежин выпнул с лёгким сердцем, дав в нагрузку двух славных майоров с военной кафедры, что близ «Байконура» своё паучье гнездо свила.

И узнал я про то, как всё проходило на защите проекта Наумовского, значительно позже – только вернувшись из лагерей, где проходили военные сборы. Наша встреча с Игорем оказалась недолгой. Он должен был к месту распределения вылетать буквально через день. В туманной дали, Игоря уже ждал замечательный дальневосточный аэропорт Певек, столица Чукотки, тогда ещё свободной от притязаний финансового авантюриста с модной недельной небритостью на благородных щеках псевдоанглийского джентльмена.

Конечно же, нам не хватило одного вечера, чтобы распрощаться. Но по молодости лет, всё выглядело не таким фатальным. И мне и Наумову казалось, что встретимся мы скоро, но ждать очередной встречи пришлось почти целых два года. Так вот, в тот вечер прощания узнал я, что мои прожекты странным образом озадачили дипломную комиссию, состоящую главным образом из специалистов наземных служб. Они впечатлились увиденным на плакатах и услышанным в докладе Наумова (он на свой страх и риск сделал акцент как раз на автоматизацию своего аэропорта будущего), настолько, что с лёгким сердцем влупили Игорю «отлично».

С учётом того, что у Наумова за годы обучения пятёрки, в качестве овеществлённого фактора небывалых успехов в погоне за знаниями, вообще не встречались, это произвело фурор на всём его курсе. А один из членов комиссии даже прослезился и предложил нашему герою наплевать на распределение и ехать вместе с ним поднимать один загнивающий аэропорт Подмосковья на небесные высоты. Дескать, все формальности он берёт на себя. Наумов благоразумно отказался и решил не упускать шанса, исследовать Дальний Восток лично. Удивительно не то, что защита прошла «на ура», а совсем другое. Сколько ещё встречается на земле наивных производственников, рассчитывающих, что один человек может воплотить бумажные фата-морганы в жизнь без финансовых вливаний и надлежащего технико-экономического обоснования.

В течение последующих полутора лет мы с Игорем изредка перебрасывались письмами. Житьё в Певеке ему нравилось, несмотря на бытовую неустроенность и высокие цены. Хорошо запомнилась фраза Наумова о праздновании 1 Мая в семье его сослуживца: «Представляешь, на столе салат из свежих тепличных помидоров и огурцов с укропом! У меня рука не поворачивалась всё это добро на вилку насадить. Впечатление, что жуёшь не овощи, а червонцы». Тогда же Игорь и рассказал мне историю, которую я имел смелость опубликовать под названием «Налегке». Имел смелость один раз, посмею ещё. Только теперь расскажу её немного другими словами, чтобы вы не бросили чтение с первой фразы с криками: «Долой зарвавшегося автора! Ему сказать нечего, вот он и повторяется! До каких пор?! Позор!»

Вернёмся к праздничному Первомайскому столу в Певеке. За тем столом молодая семья и двое-трое приглашённых сослуживцев, в числе которых и Наумов Игорь Андреич, собственной персоной. В разгар застолья, когда выпить уже нечего, а закуски полон стол, когда душа поёт, но голос ещё не настроен, когда до вечера так же далеко, как и до винной лавки, в двери постучали. На пороге стоял Витёк – механик из службы спецавтотранспорта и общий друг собравшихся. Вошедший был в аэрофлотовской форме и неизменных пимах, изрядно поеденных солью на Магаданских улицах. Этой соли не то, что пимы, автомобильные кузова не выдерживают. Витьку, собственно, никто не ждал так рано. Он учился в УТО (учебно-тренировочный отряд – специализированные курсы повышения квалификации в системе воздушного транспорта, *прим. автора*), и должен был вернуться в Певек только через две недели. Но что такое две недели, когда душа просится в родной Заполярный аэропорт? Ровным счётом – мелкое препятствие, преодолеваемое единым желанием посетить

друзей-товарищей в разгар международного праздника солидарности трудящихся масс. А чем Витёк хуже трудящихся масс? Вот и именно, что лучше. Он бросил все дела, примчался в аэропорт Сокол, откуда и улетел в качестве длинноухого создания спустя почти сутки ожидания из-за непогоды.

Витёк разделся, извлёк из потёртого портфеля две ёмкости с праздничным напитком, две упаковки магаданской селёдки специального засола, которой славится крупнейший порт в Колымском краю, три раскрошившихся в дороге крутых яйца и приобщил всё это богатство в качестве вступительного взноса. Он был чем-то возбуждён, постоянно подхохатывал, пока занимался текущими вопросами своей подготовки к банкету и всё время повторял:

– Тихо, тихо. Сейчас я вам расскажу такое! Дайте только присесть.

Наконец формальности улажены, и Витёк занял место на почётном месте для гостей. Дадим ему слово? Зачем перебивать парня, коли человек так долго хотел поведать друзьям то, чему сам явился свидетелем.

– Сiju я в аэропорту, – начал Витёк свой рассказ. – Погоды, как назло нет. Ни в какую сторону; ни одна зараза не летит. Рейс на Хабаровск отменили. На Певек тоже. Тут и вечер близится. Зашёл я к метеошникам. Никакого просвета до утра не ждут. Делать нечего, я со спокойной совестью в общагу УТО усвистал, будильник на пять часов поставил и спать завалялся. Утром опять на вокзале прогуливаюсь. Тишина. Но чувствую нутром, вот-вот рассосёт облачность. Просветы кругом появляются. Побежал в штурманскую. И точно, смотрю – экипажи уже на инструктаж прибыли. Всё разом открывается. Все направления. Я к нашему певекскому командиру подскочил, парой слов перекинулся, поддержкой заручился и – к проходной. А на вокзале тем временем объяву дали, что, дескать, два рейса на Хабаровск объединяют. Всех в ТУ-154 загрузят. И со вчерашнего рейса и с сегодняшнего. Мне-то это, вроде, и не к чему, но в памяти отложилось.

Выполз через служебный вход на стоянку к нашему борту. Стою, экипаж поджидаю, бортмехаником прикидываюсь, чтобы ВОХРы поганые не повязали. Рядом ТУ-154 к вылету готовят. Смотрю, привезли уже пассажиров, у трапа из автобуса высадили. А певекский борт, как обычно, маринуют. МВЛ (местные воздушные линии, *прим. автора*) всегда в загоне. Уже всех хабаровских погрузили, тогда только наш экипаж появился. Командир попросил подождать, покуда пассажиров не привезут. А мне что, стою себе дальше. Главное – успеваю к вам до вечера добраться; и на том – спасибо. Стою, значит, ворон считаю, зеваю немного, с недосыпу-то обычное дело. Глядь, а к хабаровскому борту опять автобус подъезжает. Второй уже. Оттуда дежурная вылезла, а с ней мужичок с ноготок. Стрёмный такой, нужно сказать, мужичок. В фуфайке, кирзачах и ушанке облезлой. Зафиксированный в половину рта не то «рыжьём», не то станиолем и в наколках весь. Не иначе, из зэков бывших. Откинулся недавно. Больно уж подозрительно светлое пятно на спине его фуфайки. Похоже, номерок там недавно был пришит многозначный, колымский. А в руках у этого мужичка две авоськи типа «мама, не горюй» «горючими жидкостями» и овощами тепличными полнёхоньки. Как водится, огурцы банановидные тепличные, помидоры, ещё не определившиеся толком, за кого они – за белых, красных или зелёных, и это в канун пролетарского праздника. Всё честь по чести.

Наблюдаю далее. Поднимаются по трапу – и пассажир откинутый, и дежурная из службы перевозок. Им навстречу бортпроводница вышла, и говорить чего-то принялась. Строго так и убедительно. Я ещё подумал, боится, что зэк бывший начнёт неправильно себя на борту вести, водку пьянствовать и беспорядки нарушать на радостях от встречи с долгожданной свободой. Лекцию по этическим основам ему заправляет, вроде как. Смотрю, мужик билет ей замусоленный показывает, из кармана своих затрапезных штанов достав. Что-то там не совсем в порядке. Стоят кучкой, внутрь лайнера не заходят. Странно даже – если к борту привезли пассажира, то явно после регистрации. Чего ж тогда мусолить?

Подумал я так про себя, а сам отвернулся на секунду: наших певекских пассажиров привезли в это время. И тут... Слышу, звон какой-то нездоровый раздался неподалёку. Как раз со стороны ТУшки. Обернулся, а возле хабаровского борта что-то неестественное творится. Техники у трапа, чуть не в покатуху. От смеха буквально валяются. Рядом с ними две горки продуктов битых: огурцы с помидорами в неприличном натюрморте по бетону развалились. А мужичок в фуфайке орёт благим матом: «Без питания, так без питания!» и в салон лезет. Сначала ничего я не понял, а потом уже дежурная всё объяснила. Которая наших певекцев привезла. Ей та, другая, с ТУ-154-го по радиации передала, что же там случилось.

Оказалось, пассажир в фуфайке со вчерашнего рейса. Заснул он где-то крепко, объявления об объединении рейса не слышал, и поэтому на регистрацию опоздал. А борт уже загружен под завязку. Все пассажиры места заняли. Одного только нет, зэка этого зазевавшегося. Для него откидушка на самолёте готова, только кормёжка не предусмотрена. Не знаю, как там считали, что так вышло непутёво. Скорей всего, ещё раньше борт пайками аэрофлотовскими загрузили, когда объединение рейсов не планировалось. Или ещё почему, не знаю. Бардака у нас всегда хватало. Так или иначе, при посадке бортпроводница ещё на трапе возьми да и ляпни, что припозднившийся пассажир полетит без питания, поскольку на регистрацию вовремя не явился. Вот мужик-то наш и решил, что из-за его двух кошёлок возможна перегрузка. Матюкнулся и сетки с трапа скинул. Решительно так. Я б ему памятник прямо на перроне воздвиг, ей-богу. И надпись бы на пьедестале написал «Без питания, бя! Век свободы не видать!».

Витёк закончил свой рассказ, вызвавший бурное оживление у аэрофлотовской аудитории, и принялся чистить селёдку. Она в Магадане действительно знатная. Перед таким соблазном не устоишь. Тут даже рекомендации врача относительно вреда жирной рыбы не помогут!

Раздел 3. Когда-то...

5. Карточный домик

(рассказ авиационного техника с предисловием от автора)

Весной 2013-го года наш центр по организации воздушного движения в системе аэронавигации России, как и все подобные центры вместе с вышестоящими структурами, готовился к началу весенне-летнего периода. На одном из этапов руководящий состав среднего звена изучал акты проверок, проводимых в своих структурных подразделениях и подразделениях соседних центров. Один из документов привлёк всеобщее внимание присутствующих своей невероятной смелостью и неординарностью. Составлен он был специалистом по охране труда и технике безопасности, проверившем состояние дел в подчинённом нашему центру отделению связи в аэропорту Усть-Цильма.

Предыстория написания акта уходит в недалёкое прошлое. Ровно за год до упомянутой проверки приезжал в Усть-Цильму заместитель генерального директора филиала по эксплуатации наземных сооружений. Приезжал и был удручён внезапно открывшемуся вопиющему факту – удобства на главном объекте отделения, передающем радиоцентре, «находятся практически в лесу» (так было изложено в рапорте генеральному).

Мало того – удобства эти возводились ещё во времена исторического материализма и вместе с ним под давлением «ветра перемен» утратили историческую значимость: покоились, разошлись снаружи и переполнились беспорядочным содержимым не всегда ответственного контингента изнутри.

Взглянул вышестоящий сурово на начальника отделения и повелел – копать котлован для большой металлической ёмкости. А «верхушку айсберга», сиречь избушку с унитазом, вскорости пришлют в Усть-Цильму – руководство, де, не оставит в беде коллектив, лишившийся последней надежды культурно провести время во время внезапно-внепланового перекура.

Сказано – сделано. Котлован выкопан был в разгар лета, а в него помещена металлическая трёхкубовая бочка со специальным штуцерным отводом – как для плановой, так и для аварийной откачки культурного слоя жизнедеятельности связистов от авиации. Осталось дожидаться, когда отреагирует начальство – как скоро обеспечит фекальную субмарину рубкой со всеми подходящими для Приполярья удобствами. Никто же его за язык не тянул, зама филиальского. В конце-то концов, можно бы и просто в кустики сбегать, если прижмёт – тайга же кругом с трёх сторон: если напугаешь кого, то только зазевавшегося зайца или любопытную белочку. Но коли начальство требует кардинального решения проблемы, то кто станет возражать. Помилуйте, не тот случай!

Между тем, время шло, а никто из руководства заниматься доведением до ума сантехнического объекта и не думал. Вопрос же требовал разрешения и беспокоил начальника Усть-Цилемского узла связи нешуточно. Ещё бы – неисполнение плана мероприятий по охране труда могло привести к материальному наказанию по итогам года. Именно потому однажды он не сдержался и, как говорят в армии, по команде, поинтересовался – «доколе?» Доколе ему вместе со всем коллективом страдать возле зарытой в землю трёхкубовой ёмкости? Не настойчиво так поинтересовался... а очень осторожно – ну, как очередная плановая комиссия накажет его за преждевременный снос деревянного домика на опушке леса. Хоть по бухгалтерским документам эта недвижимость не проходила, но мало ли что: начальству виднее за какие прегрешения наказывать, а какие – не замечать.

Дошёл интерес руководителя отделения связи до того самого зама по ЭНС, который всю кашу заварил. Он-то уже и думать забыл о своём обещании, а тут его генеральный вдруг спросил – когда, дескать: в плане пункт чёрным по белому... а конь и ныне там... не валялся? Если тебя берёт за вымя директор, отпереться или откосить не получится, надо вопрос решать конкретно и быстро, в идеале – «ещё вчера». А уже ноябрь на дворе, требуется до конца финансового года поспеть. Однако с нынешней системой снабжения ни получается: пока тендер объявишь на сайте филиала, пока найдёшь поставщика, пока организацию, которая монтаж затеет (самим-то работникам аэронавигации нельзя ничего возводить и монтировать, ибо – без лицензии даже мышь пищать не смей!), тут-то все деньги и сгорят вместе с тринадцатой зарплатой и перспективой пойти на повышение.

И тогда виновник торжества быстро сообразил, что нужно делать. Он немедленно выкопал сделанный фабричным образом «скворечник» у себя на даче, нашёл залётных ухарей со скопированной откуда-то лицензией и почти настоящей печатью, а потом отправил их в Усть-Цильму. Правда, биологическую составляющую туалета зам отдавать не стал, пожалел. Потому и получился новый туалет на передающем центре Усть-Цильмы по большей части декоративным: унитаза есть, а сменных модулей ему недодали. Впрочем, и не страшно, раз в земле уже имеется ёмкость подходящего объёма.

Представьте себе: стоит этакий аккуратный домик на территории передающего радицентра с дверцей красивой. А внутри – металлический унитаз, и слив – в огромную закопанную ранее бочку. Никакого утепления, ничего. А у нас морозы за – 40, бывает, больше месяца стоят. Какой же дурак пойдёт нужду справлять на холод с риском примёрзнуть к стульчаку... и не только струёй. Одно дело пользоваться таким заведением в период дачного сезона, но здесь же, извините, не север Африки, а южный берег Карского моря. Даже до столицы республики, где начальство сидит, и где зам сидел летом в означенном выше домике, почти два часа лёту.

Вот и получается, что вся энергия ушла на гудок, а вовсе не на полезные действия. Чем-то похоже на деятельность «Роснано» с присно памятным ваучерным чудилой, если не сказать более конкретно. Тем не менее, генеральному доложили, что теперь и в Усть-Цильме люди приобщены к культурным ценностям столиц – ходят передохнуть, улучив минутку, на самый настоящий био-горшок от швейцарского производителя «**Chalet de toilette**». На том и финансовый год закончился к всеобщему удовольствию – деньги освоены, туалет «введён в эксплуатацию» по акту пуско-наладочных работ, как это и положено в серьёзной организации. Не больше, не меньше. Жизнь потекла заведённым манером: выли вьюги, выли песцы от бескормицы, выли техники, справляя малую нужду на открытом воздухе в жёстких условиях неустойчивой розы ветров.

Но тут неожиданно проклюнулась проказливая весна, обнадёжив коллектив лёгким припёком с подветренной стороны ПРЦ. Но раз потеплело, то жди новых комиссий.

И точно – приезжает в Усть-Цильму специалист по охране труда и натывается среди прочих документов на копию не к ночи помянутого акта ввода в эксплуатацию известного нам сооружения с биологической очисткой и съёмными контейнерами. Спрашивает у начальника узла связи, а где «это самое»? Его ведут к пережившему зиму домику по девственной целине начинающих проседать сугробов. Заглянув внутрь сооружения, проверяющий долго искал хоть один «автономный контейнер с биологической очисткой содержимого», но так его и не обнаружив, догадался – трёхкубовый бак в земле и есть тот самый «набор съёмных биологических модулей». После недолгих, но плодотворных исследований спец по охране труда спросил:

- Так вы что, сюда не ходите?
- Нет?
- Почему?

- Боимся примёрзнуть – там же кругом металл.
 - Хорошо, а почему тогда не обслуживаете, как положено по инструкции – двери вот несмазаны, скрипят.
 - А для кого?
 - Для порядка. Раз положено, извольте делать. Акт на ввод в эксплуатацию имеется, стало быть – необходимо выполнять все требования. Понятно?
 - Понятно.
 - Формуляр на оборудование сорти... туалета имеется?
 - Нет, не было в документах.
 - Тогда необходимо завести. Вы же поминаете, что нужно где-то делать отметки о проведении регламентных работ.
 - Регламентных работ? Регламентные работы в туа... сортире?
 - Ничего удивительного. Мы уже перешли на европейскую систему менеджмента качества. Теперь все виды деятельности лицензируются, а без соответствующего обслуживания никакую технику эксплуатировать нельзя. Это, надеюсь, понятно?
 - Понятно, – ответил начальник узла связи, а про себя подумал: «Теперь мы цивилизованные люди, если даже такая деятельность, как естественные отправления, лицензируется». Подумал, но не стал возбуждать в проверяющем интерес к мелким пакостям своей иронией. А тот продолжил:
 - Кстати, если вы полгода не ходили в сор... сюда, то – как обходились?
 - Известно как – встаёшь спиной к ветру...
 - Нет. Я не о том. Вот, скажем, если по большому... Как же вы обходились?
 - Терпели.
 - Но это же явное и сознательное нарушение правил охраны труда!
- Через неделю родился акт, который заставил ведущих инженеров, его изучающих, хохотать до колик в полный голос. В констатирующей части документа значилось и выдавалось за нарушение правил охраны труда: «...коллектив объекта в течение полугода не обслуживает и не посещает туалетный комплекс, формуляр на него не ведётся...». А в итоговой части было предписано: «В срок до 30 апреля: завести формуляр на оборудование санитарно-гигиенического объекта, обслужить туалетный комплекс, использовать его всем коллективом с немедленным докладом по инстанции».
- Хорошо ещё – проверяющий не заморочился на более тщательный поиск сменных контейнеров к разукomплектованному изделию, а то бы начальника узла запросто могли привлечь за хищение. У нас такое случается часто – даже на самом верху. Только не делайте вид, что не знали – я вас умоляю!
- Случилось вышеописанное событие совсем недавно, но заставило оно меня вспомнить нечто, произошедшее достаточно давно, о чём мне поведал авиационный техник с огромным стажем, когда мы пересеклись за кружкой пива после трудового дня. Послушаем?
- В конце 70-ых годов нефтяники начали осваивать промыслы севернее Усинска. Специально для обеспечения буровых был построен посёлок Возей-51. Из города до него пробросили бетонную дорогу, а дальше доставка грузов осуществлялась по воздуху.
- Там, в посёлке, постоянно базировалось несколько вертолётов МИ-6 и МИ-8 вместе с экипажами и обслуживающим персоналом техников. Жили поначалу в щитовых бараках, но вскоре министерство геологии закупило у канадцев сборные вахтовые комплексы. Из готовых заокеанских блоков собрали два здания: одно производственное, где трудились авиадиспетчеры и представители заказчиков, кладовщики и рабочие базы; рядом – гостиница, там жил весь этот разношёрстный люд. Здания были снабжены автономными системами отопления, водопроводом и канализацией.

Одним словом, цивилизация. А между двумя корпусами в стиле тогдашнего модерна – пережиток социализма – деревянный домик для отправления естественных нужд. С какой целью оставили это заведение, совершенно непонятно – в каждом здании не по одному туалету с унитазами и другими признаками социалистической гигиены. Хотя, если рассудить с точки зрения оперативности посещения известного места, то старенький «скворечник» более оптимален, когда прижмёт в процессе работы, не терпящей отлагательств – нет необходимости заходить в внутрь постройки, предварительно тщательно отскоблив грязь с обуви (вахтёр иначе внутрь не пускал). Так что комендант посёлка хотел сначала снести сараюшку, а потом передумал. И туалетом этим частенько пользовались.

Нам в первое время неказистый домик казался чем-то лишним, нарушающим гармонию архитектурных обводок канадского производства в советском исполнении. Но потом как-то притерпелись и перестали замечать сей прыщ патриархального далёка на гладкой шкуре нефтегазоносной провинции. А когда пришла зима, то и вовсе все разговоры прекратились – снег многое списывает: то, что раньше казалось серым и невзрачным, в ледяной корочке выглядело порою премило – почти волшебная избушка какого-нибудь доброго, но криворукого лешего или временное убежище ветрениц-кикимор.

Это всё присказка была, сказка впереди ждёт.

Итак, январь, Возей, утро. Ещё темно, и вертолётную площадку освещает прожектор. Ветер сильный, буквально – с ног валит, видимость слабая. Подвески с промбазы брать нельзя. Зато внутри кабины перевозить можно. Большинство экипажей балдеет, намаливая у метео-богов незапланированный выходной, а нас, «шестёрочников», это не касается. Заправляем борт, делаем предполётное обслуживание, рабочие производят загрузку. И тяжёлая «вертушка» производит контрольное висение против ветра в свете прожекторов.

Как вы помните, метель была достаточно сильной, ветер – почти штормовой. А тут такая махина поднялась и снежную пену перемещает со всей дури – взлётная масса под сорок тонн, и размах несущего винта – тридцать пять метров. Представьте себе. Воздушные массы встретились и перемешались как раз между двумя зданиями, которые образовали аэродинамическую трубу. И отдельно стоящий домик тут же накренился, закрипел и сложился в горизонтальной плоскости.

Мы с напарником даже и не думали переживать. Беда-то ведь небольшая. Если пораскинуть мозгами, получается – новое, прогрессивное расчищает себе дорогу в светлое завтра. Что здесь плохого-то? Как же мы ошибались!

В будке был «стрелочник», которому пришлось отвечать за весь этот прогресс, который обозначился тем январским утром в посёлке Возей. Как мужик туда зашёл, и почему оказался не в помещении, когда большинство вертолётов стояло на приколе из-за погодных условий, бог весть. Да к тому же – пострадавший оказался из числа представителей заказчика. Этим выходить на мороз с утра и вовсе ни к чему. Не иначе – коварная судьба вывела засранца из тёплого здания, посулив каких-нибудь разносолов? Теперь-то правды точно не узнаем.

Мы с трудом слышали крики о помощи и стук по двери, лежащей поверх выгребной ямы, хотя и находились совсем рядом с руинами – вьюга, да вертолёт ей в унисон двумя своими движками молотит. Как оказалось позднее, мужика ударило в лоб этой самой дверью, и он провалился в «очко». Хорошо – успел ухватиться за ручку. Представляете состояние этого господина, когда ты висишь, держась за хлипкую деревяшку, которая в любую секунду может сломаться под твоим весом, под тобой замёрзшие композитные материалы человеческой жизнедеятельности, ни вправо, ни влево дороги нет, а снаружи только рёв вертолётных двигателей и практически никакой надежды оказаться услышанным?

Но пострадавшему на фекальной почве повезло, он даже примёрзнуть к дверной ручке не успел толком. Дёрнули мы с напарником дверь, что было силы, – тут наш герой и вылетел из знакомого многим отверстия, будто пробка из шампанского. Вони тогда мы не чув-

ствовали, поскольку морозец, вихрь снежный, но то, что задница у клиента расцарапана, догадались сразу. А он сам боли не чувствует, только грозит вслед улетающему вертолёту липкой мозолистой рукой – дескать, вот я тебе ужо!

Тут и народ из гостиницы выбежал. Кое-как перенесли спасённого в стартовый медпункт. Медсестра сразу марлевую повязку на лицо натянула, чтоб сознание с непривычки не потерять, а потом оказала первую помощь уделанному по самую макушку герою. Особых повреждений, не считая синяков и пары неглубоких ран на филейных частях не оказалось – везёт дуракам. Зато заноз из неудачника медсестра надёргала – сотни две зубочисток можно было сделать.

Разумеется, унты и одежду пришлось выбросить, но с утеплённым комбинезоном пострадавший от форс-мажора непредсказуемой розы ветров расставаться никак не хотел. Он и в бензине его вымачивал и в авиационном керосине стирал, но запах не выветривался. Зато с медпунктом оказалось немного проще. Его перенесли в другое помещение, а то, где оказывалась медицинская помощь, помыли тщательно с хлоркой и оставили до лета. К середине июня запахи растворились в аромате цветущих кустов черёмухи.

6. Клинический случай

(второй рассказ авиационного техника)

Вот вертолёт был – Ми-6. Не машина – прелесть. Верную службу по Северам почти сорок лет эта матчасть несла. А потом в очередной раз новомодные транспортные менеджеры свой дилетантизм продемонстрировали. После аварийной посадки где-то в Якутии решили разом избавиться от всех «шестёрок», чтобы ни за что не отвечать. А как вы полагаете – милое дело: думать о производстве вертолётов не нужно, завод ремонтный можно закрыть в угоду МВФ и мозги морщить, как обеспечить дешёвым грузовым транспортом северные регионы не придётся. Что называется, есть же ещё новёхонькие Ми-26, эксплуатация которых заказчику в несколько раз дороже обходится. Но если выбирать не из чего, то, как говорится, на безрыбье и рак – белугой ржёт – почище сивого мерина.

А в середине восьмидесятых у нас в одной только Печоре больше десяти бортов Ми-6 базировалось, всю геологоразведку и нефтепромыслы от Северной Двины до Оби обеспечивало и вплоть до *самого* побережья Карского моря.

Я в то время авиатехником на участке работал, частенько вместе с экипажем в командировках бывал на какой-нибудь оперативной точке, которая поближе к месту проведения работ – социализм же социализмом, а вот авиационный керосин и тогда уже экономили. И не иезуитски, как нынче – за счёт безопасности, – а вполне логично и продуманно.

Одним из базовых вертодромов (оперативной точкой) с большим количеством стоянок, складом ГСМ, столовой и общежитием для экипажей считался Возей-51. Туда чаще всего в командировку и посылали. Как раз неподалёку от Возея и произошёл этот странный и удивительный случай, который помню до сих пор отчётливо во всех деталях, хотя минуло уже больше четверти века. Работали мы тогда с геофизиками, помогали им перебазироваться с одного берега реки Лая на другой. Пока было холодно, сеймики сами перевезли ящики с взрывчаткой, буровые станки, пару дизель-генераторов (своего рода маленькая электростанция) прямо по заснеженному руслу Лаи при помощи ГТТ (гусеничный транспортёр-тягач, *прим. автора*). А потом резко потеплело, лёд стал трескаться. Тут уж без вертолёта и внешней подвески никак не обойтись.

Так вот, утром прибыли мы на место. Подсели на подготовленную заказчиком площадку, оценили объёмы работ. Жилые балки следовало переместить с берега на берег. Плёвое дело: зацепил – перенёс через речку – отцепил. И так семь раз. Минут по десять на операцию. Груз единый и неделимый, это не поддоны ящиками с ВВ⁴ затаривать. В полтора часа укладывались. Не работа – баловство одно. Но заказчик платит, значит, весь экипаж работает, а я оператору подвески (он же бортрадист) помогаю. Без механика в условиях командировки экипаж не имел права вылетать. Сейчас, по-моему, всё упростили донельзя. Теперь о безопасности в последнюю очередь думают. Но не об этом хотел рассказать...

Подошёл я к старшему из геофизиков, спрашиваю, мол, допуски у кого-то есть на работу авиационного стропальщика? Показывают корочки – всё в порядке.

Авиационным стропальщиком не каждый с обычными навыками сможет действовать без подготовки. Цеплять и отцеплять груз к стреле автокрана – это совсем не то, что работать с подвеской вертолёта. Тут такая особенность. На тросе устройства для подвески концентрируется большой электрический заряд. То есть, как это – почему?

Во время полёта корпус вертолёта накапливает значительное количество статического электричества. Поэтому смертельно опасно прикасаться к нему после посадки до тех пор, пока фюзеляж машины не будет заземлён посредством специальных устройств. Точно так же

⁴ ВВ – взрывчатые вещества

и с подвеской. Стропы рекомендуется закоротить между собой сухой доской или разрядить о забитый в землю металлический штырь, при помощи специального тросика. А только потом уже закреплять груз.

Удостоверения у стропалей, как я уже говорил, оказались нормальными, выданы после окончания специальных курсов. Придаться не к чему. Стало быть – можно работать. Доложил я командиру, что всё в порядке, и мы подвесили над первым балком.

Сидим с бортоператором у люка, смотрим, когда стропальщик нам сигнал подаст, что можно груз через реку нести. А тот влез на крышу и сразу спущенный трос – хватить рукой. Его и шандарахнуло, да так, что он там же – на крыше – улёгся ветошью бесформенной, глазки к небу закатил и отрубился на несколько секунд. Радист на меня смотрит, как на врага народа:

– Роберт, в рот компот и полкило печенья, ты у **этого** парня корки смотрел?!

– Точно у него.

– И какого хэмингуэя, он за трос хватается?!

– Спроси чего полегче...

Пока мы пытались выяснить, чья вина в сложившейся ситуации больше – ведь бортрадист отвечает за подвеску и всё, что с ней связано, а я просто помог по доброте душевной – наш горе-стропальщик пришёл в себя, преспокойно зацепил балок и дал сигнал, что можно поднимать.

– Командиру докладывать будем? – спросил я.

– Ага, он потом таких звездюлей навалывает, когда садиться придётся, забудешь собственное имя. А раз уж балок на подвеске, работаем. Перенесём груз, а второй раз такого, даст бог, не повторится. Не идиот же наш стропальщик в самом деле...

– Вот чертила! Его ведь убить могло...

– Это вряд ли. Только же взлетели – статики мало набрали.

– Повезло...

Когда вернулись за вторым домиком, мы с бортрадистом буквально затаили дыхание – кто теперь будет цеплять, интересно: тот же самый или другого стропальщика пошлют? Ага, тот самый мужик на крышу балка полез, что и в первый раз. Наверное, понял, что и как ему делать следует, если настолько бесстрашно. Смотрим в люк. Ждём.

И тут происходит повтор первого действия драмы «Кулон исследует заряд статического электричества вертолёт в полевых условиях» – мужичок хватается за трос, его шарашит разрядом, он на несколько секунд замирает в позе подстреленного лемминга, а потом, как ни в чём не бывало, цепляет балок и даёт сигнал на подъём.

Бортрадиста трясёт, он начинает нервно хихикать, а потом кричит в люк во всю глотку:

– Эй, на баркасе!!! Ты трос разряди сначала, тундра неогороженная, а потом руками хватайся!

Куда там – разве можно перекричать движки работающей «шестёрки». Два раза по пять с половиной тысяч лошадей! Иерихон отдыхает!

Между тем, подвеска зацеплена хорошо, можно перетаскивать балок. Именно это командир и делает. На другом берегу стропальщик работает профессионально, весь накопившийся заряд отводит в штырь, забитый в землю, ловко накидывая специальный тросик на стропы, будто аргентинский гаучо или оленевод Большеземельской тундры.

– Их что, на разных фабриках делали? – удивляется бортрадист, имея в виду двух стропальщиков и методику их работы. – Этот-то всё отлично сечёт. А первый... тот, что вчера по пять... Эх, Михал Михалыча⁵ рядом нет.

⁵ Имеется в виду знаменитая миниатюра Михаила Михайловича Жванецкого «Я видел раков»

И вот начинается третья ходка. Вертолёт завис над балком. Всё тот же стропальщик лезет вверх. Ну сейчас-то он догадается снять статическое электричество? Бортрадист кричит мне в ухо – всё-таки и внутри кабины неважно слышно:

– Ты только посмотри, что этот говнюк делает! Никакого чувства самосохранения, мать-перемать!

Выглядываю в люк и имею удовольствие лицезреть уже привычную картину: усталый сурок отдыхает на крыше. Потом наш герой приободряется и выполняет своё предназначение.

– Это просто цирк... – говорю я, обращаясь к вертолёту, как к живому, но не совсем мыслящему существу. Пожалуй, только он сможет понять движущие мотивы человека, три раза подряд наступающего на одни и те же грабли, фигурально выражаясь.

– Как думаешь, дальше он тоже будет работать по старой схеме? – спросил меня бортрадист, когда мы возвращались за четвёртым балком.

– Нет никаких оснований предполагать, будто что-нибудь изменится. Только, боюсь, как бы этот бенефис не закончился плачевно. Может быть, доложить командиру и прекратить процесс?

– Ты с ума сошёл! Петрович нам теперь точно все эрогенные зоны порвёт на запчасти. Продолжаем. Если с трёх раз парня не свалило, то теперь привык...

– Циник ты безжалостный!

– Это не я циник, это стропальщик дурак. И заметь, кроме него, внизу ещё человек пять. Они-то уж точно могут его остановить... Понимаешь?

– Понимаю только то, что мы инструкцию не нарушаем, а за других отвечать не должны... когда все допуски в норме...

– Тогда работаем.

После шестого электростатического обморока стропальщик поднимался как-то особенно вяло и неохотно. Да и сигнал подавал без энтузиазма.

– Укатали Сивку крутые ... разряды... – констатировал бортмеханик. – Теперь точно кто-то другой цеплять полезет. Спорим?

Спорить я не стал, хотя мне тоже сделалось любопытно, как поведёт себя наш наземный визави, если очевидно, что он устал ловить огни святого Эльма при каждой операции по зацеплению геологического домика.

Каково же было наше удивление, когда в седьмой раз «крестничек» наш очень ловко разрядил трос и выполнил всю процедуру в точности по инструкции.

– Роберт, ты что-нибудь понимаешь? Он же всё знал... Специально делал?... Лапсердак же твою в коромысло и брезентовые пролежни в гениталии!

У меня не нашлось ни одного цензурного слова, чтобы поддержать тираду бортрадиста.

Как только работа завершилась, и вертолёт подсел, чтобы экипаж немного передохнул перед уходом на базу, мы с оператором, не сговариваясь, побежали искать стропальщика, который заставил нас поволноваться по непонятной пока причине.

Нашли мы своего, если можно так выразиться, соратника по трудовым подвигам сидящим в позе умиротворённого Будды, облокотившегося на стенку сарая-временки. Глаза у него были чуть прикрыты, а полуулыбка показывала, что внутренний мир нашего героя приходил в гармонию с его физическими кондициями.

– Ты чего это, хрен тебе в дышло, под разряд подставлялся? – таков был первый вопрос, который мы выдохнули в унисон.

– Так... это, ребята. У меня же остеохондроз страшный...

– И-и-и?.. Ты думай, что говоришь! Причём здесь... когда техника безопасности... а нам потом – отвечай!

– А я тут в одной переводной книге высчитал, что очень хороша профилактика обострений при помощи электрических разрядов. Вот и решился, а то второй месяц еле хожу, а мне до получения льготной пенсии два года полевого стажа не хватает. Никак мне из партии уходить нельзя.

– Так ты, выходит, лечился?! – обалдел радист. – А понимаешь ли ты, что тебя могло насмерть убить?

– Не могло. Я всё рассчитал. Здесь расстояния небольшие, времени от разряда до разряда немного. Так что – не опасней электрофореза!

– А чего ж тогда в бессознанку уходил?

– Это только на первых двух подвесках. А потом в норму вошёл...

– А в седьмой раз чего не стал... э-э-э... заряд бодрости принимать?

– Так в книге написано, что шести разрядов за сеанс достаточно...

Говорит стропальщик, а сам лыбится, будто стакан спирта накатило. Хорошо ему, видно.

Но мы больше от него ничего допытываться не стали, а попылили на борт, где командир уже начинал запускать двигатели.

– Может быть нам частную практику открыть... ну, по лечению этого, как его, остеохондроза? – задумчиво сказал бортрадист, когда мы вернулись на базу.

– Остеохондроза... – поправил я.

– Ну да, ну да... Можно токи рассчитать, специальное кольцо с вертолётки спускать... нет, не одно, а сразу несколько, чтобы группу лечить. Потом запатентовать и всю оставшуюся жизнь деньги получать... Впрочем, не выйдет ничего путного – опять идею украдут, а твою фамилию даже мелкими буквами не впишут. Ну его! Пусть сами бессовестные учёные от медицины больных лечат, а на меня не рассчитывают!

7. В зоне отчуждения

(документальная байка с отупляющими отступлениями)

Вместо эпиграфа напомним «чёрный» анекдот.

За временным отсутствием в FM-диапазоне армянского радио, инициативу перехватило «Совершенно независимое радио британской провинции Чукотки»

Корреспондент: Скажите, уважаемый, а Чернобыльские яблоки можно употреблять в пищу?

Трёхрукий шестипал: Конечно можно! Мы же едим... Одно плохо – огрызки больно уж глубоко зарывать заставляют...

Всё началось со звонка на мобильный. Звонил Илья (мой сын) и просил подсуетиться. Не могу ли я, дескать, узнать какие-либо подробности от очевидцев из истории ликвидации Чернобыльской аварии. Что-то у них в университете намечалось провести. Скорее всего, семинар, посвящённый 19-летию апрельских событий 1986-го года.

Ответил быстро, почти не задумываясь, мол, знаю одного из ликвидаторов аварии на АЭС, и попробую его разговорить. Я имел в виду бывшего лётчика, командира вертолётки МИ-8 Славу Михайлова. Про него мне уже доводилось рассказывать и, по-моему, не один раз. Кроме того, я даже где-то (скорее всего, в «Истории болезни») упоминал примечательный факт участия Михайлова в ликвидаторской компании. Если вам доводилось читать мои истории, то, вероятно, вы знаете, что теперь (речь идёт о 2005-ом годе) Слава работает штурманом БАИ⁶, и мы с ним сталкиваемся нос к носу на лестничной клетке второго этажа здания аэровокзала, которая заменяет нам курилку чуть не каждый день.

Назвать это перечисление не поддающихся проверке фактов рассказом я бы не решился. А приделывать подзаголовок «эссе» совесть не позволяет. Сколько можно-то? Как чуть, какие проблемы с определением жанра – так сразу начинаю навешивать разные ярлыки своим текстам без толку. А потом, когда внятный результат этого процесса так и не появляется, всё равно стремлюсь озаглавить своё литературное детище хитрованским именем эссе. Дескать, читатель стерпит, не переломится.

А всё-таки, эти мои попытки завернуть набор несмежных фактов в одну упаковку с надписью «эссе» выглядели бы, по крайней мере, наивно. Что ж, тогда пусть будет просто байка, некоторым образом, документальная.

Тут не ко времени, пока я с жанром будущего опуса определялся, у нас на предприятии ударились выполнять предписания вышестоящих, рекомендующих в приказном порядке произвести обучение личного состава современным методам ГО и защиты в случае ЧС незамедлительно. Незамедлительно, в смысле, провести учёбу. А чрезвычайные ситуации и без того незамедлительно наступают. Мало того, ещё и внезапно.

С целью онаучообразить процесс передачи полезных знаний об отравляющих веществах и проникающей радиации – из Заполярной Воркуты выписали лектора-надомника без двигателя внутреннего сгорания, но с прекрасным аппетитом. Преподаватель явился из облака сияющего порфира, как чёрт из табакерки, увешанный огромным множеством сюрреалистических плакатов из жизни образцовых людей в противогазах в периоды нанесения ударов ОМП в учебно-профилактических целях.

И ещё вот что: этого милого лектора с лоснящимися от жира волосами на тыквopodobной голове попа-расстриги очень верно охарактеризовал наш инженер по безопасности. Охарактеризовал он заезжего гастролёра-преподавателя так: нагло-неопрятный медик от военных строителей. Нашему инженеру по безопасности можно верить. Раньше он на

⁶ БАИ – бюро авиационной информации

«горке» служил в режимном отделе. Там человека насквозь видят. И не только видят, но и в двух словах так могут описать, что ни в какой сказке рассказчику такого сделать не удавалось. Ни Оле Лукойловому, ни Хансу Абрамовичу Березовскому, ни Христиану Людвиговичу Тимошенкову.

Первая фраза, с которой бывший военный медик начал свой цикл лекций в стиле Сэмюэля Беккета, звучала примерно так: «Нужно будем проводить занятий по ГО для руководства всякий раз, когда случится возможная способность в тесном расписании центра по ЧеЭскам». Потом он рассказал анекдот из разряда «чёрного юмора», и дело пошло. Анекдот я поместил на месте эпиграфа, и, вероятно, вы уже имели несчастье с ним ознакомиться.

Дальше, пожалуй, приведу в качестве примера, как можно довести до абсурда любую здравую идею, выдержки из своих конспектов на увлекательных занятиях по ГО и ЧС. Не хочу выглядеть хвастуном, но всё же рискну предположить: я тоже достоин поделить лавры отцов-основателей военно-полевого абсурдизма с нашим лектором. Почему? Просто – поскольку записывал его высказывания в старт-стопном режиме, вовсе не стараясь зафиксировать ту или иную фразу целиком, не студент же давно. И делал, между прочим, это дело со вкусом и пониманием.

Но, клянусь, что вовсе не претендую на популярность своего воркутинского гуру. И, всё же, посмотрим, что получилось в итоге моего непредумышленного конспектирования?

Выжимки из лекций по приборам и оказанию первой медицинской помощи во время занятий по ГО и ЧС с ужимками, чтобы не заснуть

(персонифицированный бред капитана запаса, стенограммное изложение)

1. Войсковые приборы специального применения (31 марта 2005 года)

... пост РХН оснащён и благоденствует в составе трёх человек тире бойцов самое русское число из всех застольных... причём тут дозиметры? метеокомплект номер 3... анемометр (от слова анемия?) там такие чашечки чем быстрее они крутятся тем сильнее ветер... не нужно гнать ветер господа военные... инверсия с перверсией... в лунку посадишь термометр обычный такой термометр посеешь простой термометр... а много ли после пожнёшь?... а там уже про облако отравляющее сами порешаете в решете чудеса средствами засечки компасом планшетным азимутостроителем угломерного прибора положить с ним с прибором и когда скорость до эпицентра... затем средства защиты специального состава очков на глазах... СИЗ противогаз респираторный костюм ОЗК резины двухцветной увы не всегда... локализовать взрыв концентратором бактериальных наборов грунт из речки в лабораторию отвезти... попутка не попалась лови кого ещё смешно в военное время... диагностика какой противник что-то там замыслил и применил 50 мР/час заражён... санитарной обработкой техники вообще не дышат... запишите коэффициент ослабления таким образом подвал блочного дома примерно 400 с запасом на трое суток... хотелось бы больше сохраняет здоровье погибаться не будут ха-ха... ваш разведчик не обязан получать предельную норму дозы... защищайте его временем ВПХР с насосом вдруг да война... нормального десятиклассника и читаете главное не пересчитывать... что? не нервничать? тогда да нервничать не нужно... индикаторные наиболее три вида ОВов нервно-паралитический газ синильная возможность применения и такие три вида трубочек как на органе ха-ха... красная полоса и точка! нет просто точка... про зелёные трубочки газов нервно паралитический конвенция перспективные невтерпёж применения газов если припрёт вдруг из-за угла... одно жёлтое кольцо абразивное кольцо дёрни за колечко дитя моё раз-два вставляем жёлтый цвет... тем самым прососали 60 качков на одного братка или что-то коричневое?... чуть-чуть коричневое смотри картинку в атмосфере будет жёлтая внутри капсула ломаем сроки хранения нафик закончились... сейчас как дёрну не-не-не практически рассыпем нужно пистолетом по Распутину из пирожных сахаром рассосало отраву... дураки блин... две вороночки с тремя полос-

ками и шильцем прокачиваем кольцо на 15 качках и смотрим видите наполнитель синий совсем смертельная доза не просто а реакция... здесь приходится с пробиркой таких приборов приборировать немножко удвоим подшила для контроля прокачиваем разницу поня-тен вывод есть газ по инструкции ха-ха... забыли не рабочая тогда прокалываем ампулки две встряхиваем одновременно прокачиваем прокачку красноту встряхиваем... где количество то есть концентрация сначала если нет вывод то совсем 60 качков про третий... качков цвета концентрация измеряет контрольная ампула по тому судим 60 качков понятно не совсем повторить противник вероятный вкладку сделать нужно... может этот прибор фильм посмотрим стрелка в приборе если найду на кассете... а здесь реакция прокалываем кипеть не станет ибо не жарко согреваем трубки... зимой использовать фонарь посадка для чего в атмосфере задымление на войне обычно наверх фильтр... закрываем с насадкой так ведь да реакция насыщена кольцо есть песок какой продукт питания лопаткой надеваем такой же вещь или соль чего-то заражает то вывод всех возможностей инструкцию посмотреть сразу кассету никак не удаётся... пожар будем гореть...едем идти конструктивно...

2. С медицинским прибором (1 апреля 2005 года)

... в трепанации ничего сложного сверлим дырки три лучше пять или семь пилим специальным полотном... отёк спадает человек живёт спасибо говорит с неперенным... бывает корой головного на день на два элементарно предмет торчит не вытаскивайте даже допустим стекло прилипло... вы первый этап вот и эвакуируйте по этапу... тридцать четыре тысячи на дорогах погибает причина смерти например самолёт на автомобилях подсчитано железно ха-ха... струя алая ближе к сердцу тик-так... как воду через верх венозное типа голубая или фиолетовая родством не обиженная... буквально давящей повязкой знаете капиллярное... давящая повязка роса не жгут в кармане не носят... пальцем жать кость пощупайте как следует пульс там разветвляет под ключичной артерией из головы... хорошенько дома потренируйтесь передавливая сонную артерию... что получилось? вы же ещё не дома... ха-ха!.. пульс есть нет? не важно пусть спит... там жилы кулаком классические три точки струей проецируете через сторону... чтобы в рану не угодить смотря на не попали хорошо струи нет... ваш коллега ищет жгут в закрутке... банки хозяйка сама знает крышек дефицита нет ботулизма нет...грибы можно любые... некоторые только один раз всего не увлекайтесь... второй раз опасней всего... закрутки? какие закрутки? это про овощи жизнь опасна если артерия крупная... тридцать секунд на толстый сосуд... вампирам за счастье... артерия упругий орган нужно совсема! его передавить пишем записку прямо именно часы это первое... вместе всё обсудим травма любая йодом наружного не вокруг да около а совсем рядом... особенно если края рваные то потому что чтобы был отток направляющие швы когда я учился в это самое склифе парень-мужик первичная обработка... бум хирургу в лоб ха-ха-ха... потом дедуля фершал завязал накрепко поди серая ткань типа брезента расправляет лёгкие пневмотрекс... не забывайте заделать кровотечение ещё раз обостряюсь в этом плане... не забывайте два сустава из шока не всегда... особенно у вас... морфинчик обязательно ввести лучше дважды шучу ха-ха... алгоритмы открытого перелома бедренной кости первое уложить если не лежит сам остановить кровотечение вот здесь передавливаете... кто так давит? не насмерть же ха-ха передавливаете кулаком буквально... если перелом в паху будете там держать обезболить нужно... стерильную повязку внутрь не залазьте с йодом своим! затем шина на четвёртом месте... если что-то то такой алгоритм затем запишите щадящую транспортировку ногой к ноге или к пиджаку приколоть... запонки? нет булавкой лучше ерунда так будет ехать щадящее именно не гнать совсем а наоборот ехать в дороге пока только из шока падает давление вплоть до нуля... по Цельсию? не сбивайте ну ОМОН и прочие практические анальгина не запиная две таблетки под язык... так и с любым ядом лучше и быстрее... доходит... доходит? очень правильно спинной мозг в позвоночнике... самолёт допустим а тем более подошли... колем иголкой ущемление спинного мозга непре-

менно санзвено ну поговорим потом сейчас потому что 4 ручки так и носим носилки... чуть отвлекёмся один командир стоит допустим это носилки с одной стороны... взяли именно раз-два-три... также аккуратно и никаких изгибов... если травма таза не очень аккуратно щит однозначно широкую доску... нельзя прогибаться... если даже большой начальник ха-ха... пойдёте дальше так давайте про ожоги здесь ничего сложного ипритема на солнце раз пузырь а четвёртая степень там ничего... холод на первом месте две горсти снега бабки говорят пятаком всё лучше уже кровь если не высосать на второй день ой не хорошо ладонь без пальцев... да не ой ладонь без пальцев а просто ладонь без пальцев для процентного соотношения... 1 % это нога 18 % и примерным процентом вооружены как непременно понятны ход мыслей? голова тоже 9 % больше 10 обязательно больница... алгоритм запишем во-первых вы смотрите горит одежда сбить с ног и катать как валенок на земле и вот не забывайте и кстати ЧС-ки стереотип такой... одеяло или попонка какая... лучше полушубок... удалить сгоревшие пожар в самолёте не нужно обрывать болевой шок именно... раньше бинтовали теперь накрываем простынёй накрыли и холод и снег и лёд и легче и всё так пармидольчиком или анальгина (опять две?) таблеток под языком вкушать... обморожение лейкоциты сами линию отреза хирургу установят ха-ха... каким образом что такое третья степень кожа по жиру двигается... чик нету ничего критерий раз а ещё и четвёртая и бегом в больницу... там согреют изнутри понятно разницу (?) трите чем хотите... водка спирт самогон внутрь не обязательно ... себе тоже... в том числе по улице руку приставил и всё нормально – стакан водяры много нюансов не всегда имеет пользу иметь обычно... дальше методом втыка о сердечниках... кусок сахара валидолом... вам валидольчик не нужен у меня с собой как раз и нет ха-ха какую проблему осветить утоплением во! синее и белое утопление в курсе нет? освободить методом об коленку короче и ещё не забывайте очистить ресторанным способом когда рвотные массы... помню фамилию в армии ... второго прапорщика совсем иначе... тоже помню... но спасли... завёлся в общем прапорщик пельмень выплюнул не так лёг и табаком ему в нос... чихнуть за милую душу вот так и за здорово живёшь... время хватает на мало совсем а так бы я вам рассказал ещё много чего... курить будем давайте за компанию там в глубине коридора а то не поймут нас женщины санпоста так как я подразумевал с самого начального степа ха-ха...

* * *

В процессе обучения очаровательным медиком, из числа Заполярных внезапно напуганных сов, я неожиданно для себя начал размышлять о человеческой глупости. Что меня на это подвигло? Скорее всего, экстремальный характер обучения то в холодном полуподвальном помещении бомбоубежища, то на пронизывающем ветру с морозом до минус двадцати пяти в районе так называемой «горки» (система дальнего обнаружения баллистических и прочих ракет «Дарьял» войск РВСН), то вблизи рукотворного пожара, раздутого службой ВОХР нашего аэропорта. Не стану, пожалуй, утруждать себя поиском причинно-следственных связей.

Воистину, нет предела человеческой глупости. Вот у разума есть: дальше и выше гения не вознесёшься над миром. А люди бестолковые не устают ставить рекорды, которые уже не только в Гинессов фолиант не помещаются. Даже и количество выданных дарвиновских премий (за глупость) превысило все разумные пределы.

Мне уже пора записать то, что я узнал от Михайлова, а я всё сижу в нерешительной позе и думаю совсем не о том. О чём же? О всякой ерунде. Например, зачем было проводить эту нелепую учёбу по ГО, если все те защитные средства (из современных) существуют где-то далеко, в виртуальном пространстве. А нам их демонстрируют в единственном экземпляре.

Дескать, когда наступит ПОДХОДЯЩИЙ МОМЕНТ, вас тут же и снабдят всем необходимым для защиты. Чушь полная. Кто снабдит? В какой период времени? И кто научит ВСЕХ без исключения граждан этими средствами пользоваться, если уж для обучения КРС (командно-руководящего состава, не путать с крупным рогатым скотом) предприятия вкладываются солидные деньги, а количество экземпляров защитного оборудования от этого всё равно не возрастает?

Рома (инженер техотдела), как это за ним водится, пропустил самое главное – обучение на тему ГО и ЧС по причине безвременного отпуска, испытаний суперсмартфона фирмы Sony-Ericsson и изучением девушек, претендующих на его искреннюю отзывчивость в режиме Сергея Есенина. Но удостоверение о том, что он, так сказать, имел удовольствие всё постигнуть на теоретических и практических занятиях, Ромик всё-таки получил, не пролив при этом ни капли крови. Не то, что мы! Обидно, не находите?

И вот развалился себе Ромка в кресле и умничает. Что-то вроде: я вот с вами здесь сижу, почём зря, а на самом деле служба моя идёт год за два. Синекура, типа. И, вообще, он таким стал умным, что даже Салееву, моему другу и инженеру человеческих душ, ответил дерзко:

– А другая еврейская фамилия, кроме Рабиновича, тебе, уважаемый Ислям Хуснутдинович, известна?

Славик пытается припомнить Перельмана, Пульмана, Кацмана и прочих важных особ. А Ромка наносит подлый удар прямо в самое уязвимое Салеевское место:

– Знаю я ещё одного еврея... Фамилия – Мусульман!

Славик держит удар удало, как и положено потомку Чигис-хана. Он замечает (в скобках): «А фамилия Никифорович вам ничего не говорит, молщег? По паспорту ты можешь быть первостатейным Есениным, но душу Рабиновича не сможет изменить никакой катализм!»

Ромку по-прежнему несёт. Он забыл, что такое чувство меры, Салеев Салеевым, но есть же ещё и другие, с кем можно вступить в перманентный конфликт, временами перерастающий в дружественную стычку с пикированием и умничаньем на грани философского вожделения. Философствование касается большей частью моего юного (кстати, двадцать семь лет, пожалуй, уже ближе к зрелости) друга, поскольку ему нравится чувствовать себя невероятно продвинутым молодым человеком. Простим ему эту слабость. Кто из нас не мечтал свернуть горы и самоутвердиться в Ромкином возрасте?

А потом ещё Ромик начал спорить со мной на тему, что сок тропический маракуи вовсе не напоминает сок манго, как утверждает ваш покорный слуга, а попросту пахнет детской мочой, не при женщинах будет сказано. Есть у Ромки такая отвратительная черта: нарушить процесс подъёма аппетитных слюноотделений в самом его начале.

Опять забыл поделиться с вами, что мы находимся в РЭМе перед накрывающимся праздничным столом. Здесь будет празднование двадцатисемилетия «белокурой бестии», как называет Ромку подполковник Володя, ведущий инженер ОСП (оборудование системы посадки), и проводы его же, нашего несказанного Рабиновича на очередную сессию.

Правда, двадцать семь лет парню стукнуло уже месяц назад. Но тогда он не мог осчастливить своих близких, в производственном смысле, людей «проставлением поляны» по причине очередного отпуска и незначительного денежного затруднения в связи с приобретением цифрового фотоаппарата и упомянутого выше смартфона, который больше напоминает ноутбук, чем мобильный телефон. Но разве от праздника можно увильнуть, когда, как любил говаривать Борис Виан, автор романа «Боги жаждут»? Или это всё-таки сказал Драйзер?

Спасибо, что поняли, что не дали соврать... Приятно иметь дело с людьми интеллигентными (не от слова «телега»), честное слово.

И вот уже мы сидим за столом, на котором обычно Салеев или Ваня препарируют отказавшую аппаратуру. Ромик не умолкает ни на секунду. Что поделаться, элоквенцией его прорезало. Элоквенция – красноречие (словоблудие). Так, по крайней мере, говорит энциклопедический словарь имени Брокгауза и какого-то Ефрема... Не берусь подписываться под точностью энциклопедических формулировок, но именно такой формой словесного расстройства страдал наш милейший Ромик.

Он с чувством читал Акутогаву вслух, страстно ненавидел Акунина с его «Алмазной колесницей» и при этом оставался, совершеннейшим образом, холоден к творчеству Лао-Цзы. Любимый вид интеллектуального застолья, не так ли? Мне такое застолье сегодня ни к чему. Меня посещают другие, совершенно посторонние мысли, связанные с гражданской обороной.

В мечтах моих появляется очаровательная, как печатный пряник, Тома Музыченко, моей несравненной музы поры студенческого ученичества, которая закликает мои готовые улизнуть в действительность мысли:

– Я самая лучшая сандружинница на всём белом свете... Я целую Димыча жарко и с пониманием... Я этому так долго училась... Очнись, мой условно тяжело раненный в сердце... Обними меня покрепче и попробуй искусить... Ну, что ты, шалун... Не так же быстро...

* * *

Немного странно... Я просыпаюсь в курилке здания аэровокзала (ах! сколько гласных подряд, убил бы... сам себя). Рядом стоит Слава Михайлов и рассказывает мне о своём посещении Чернобыля в далёком уже начале лета 1986-го года...

И почти следом за тем, как я всё это выведал у Михайлова вполне легальным путём... Да, что там говорить, выведал – не то слово. Слава сам мне всё с удовольствием рассказывал. Похоже, нашёл он во мне благодарного слушателя, нимало не сомневаясь, что я спрашиваю из чистого любопытства, а не потому, что меня сын попросил.

Так вот, почти одновременно с тем, как мне были рассказана история ликвидаторства с точки зрения отдельно взятого человека, у нас на предприятии началась учёба по гражданской обороне и устранению (а, желательно, предотвращению) чрезвычайных ситуаций. Странно, что я вам уже сообщил эту незабвенную случайность...

Казалось бы, я должен был проникнуться ответственностью момента и внимать суррогатному бреду от бывшего военного врача со всем возможным старанием и огоньком в глазах. А вышло всё совсем не так, как ожидалось. Кто не верит, пусть перечитает выдержки из конспекта, приведённые выше.

Ну что, число моих почитателей, надеюсь, резко уменьшилось? Этим особам обоего пола желаю найти себе более достойного автора для проявления к нему непременно дружественных намерений. Всем остальным рекомендую попробовать кофе по моему рецепту...

Намелите свежесжаренной арабики, а лучше робусты (там кофеина больше) вместе с африканским чаем ройбуш (кора дерева семейства какао)... Мелите мелко. Дальше варите с добавлением сахара... и воды... Если кто-то экономит экологически чистую воду, можно просто так пожевать...

Пейте горячим. Ибо помните – кофе должен быть крепким, горячим и сладким, как поцелуй любимой женщины... Так любит говорить Салеев. И сие есть – абсолютная истина. Правда, Тома?

Тома Музыченко, какое ты имела право вторгаться в мою личную жизнь... даже таким виртуально-внутривенным методом? Я же давным-давно женат, и супруга вовсе не обязана поощрять мои умозрительные проказы, помноженные на грёзы недогулявшего в молодости

зрелого мужчины в полном расцвете сил и желаний. Ву компроне? Впрочем, понимаю... Да-да, моя милая, мир именно таков, каким ты хочешь его видеть. Жаль только – угол обзора крайне невелик.

* * *

Ну, а теперь всё-таки позвольте приступить к изложению истории, которую поведал мне Михайлов, а то мой сын так и не дожждётся предназначенной для него информации.

26 апреля 1986-го года произошла авария на четвёртом энергоблоке Чернобыльской АЭС, причины которой, кстати говоря, однозначно не называются и сегодня. Но мы не станем ставить перед собой неподъёмную задачу выяснения обстоятельств случившегося, искать виновных. Не для этого я со Славой Михайловым беседовал в нашей курилке и у него в штурманской. Просто увидеть последствия произошедшего в Припяти глазами очевидца – вот в чём наша задача.

Итак, 26 апреля 1986-го случилось то, чему не было аналогов до того момента. Конечно, теоретически различные варианты аварийных ситуаций просчитывались, но, сами понимаете, одно дело теория, и совсем другое – практика...

Спустя какую-нибудь неделю-другую (после проведения Первомайской демонстрации в зоне, подверженной радиоактивному заражению) со всем соГЛАСНОЕ советское правительство тогда ещё «порабощённой» Украины с позволения «человеколюбивого» Политбюро осмелилось довести до сведения своего податливого пластилинового народа некоторые мало приятные сведения о том, что где-то в неприметном местечке Припять, что близ Чернобыля, городка также весьма незначительного, приключилась **небольшая** авария. Не то на ТЭЦ, не то на ином каком объекте не сильно стратегического значения. Да, собственно, и не авария вовсе, а обычный выброс радиоактивных отходов. Ну, примерно, такой, как в радоновых ваннах на курорте. Даже немного полезнее. Особенно для психически нездоровых личностей.

Об истинном положении дел знала довольно ограниченная группа лиц, большая часть из которых прислуживала отдельно стоящему мужчине в кепке-картузе и шинели, какового вынужден был объезжать автотранспорт, движущийся в окрестностях Лубянской площади столицы. Они, эти обличённые непосильной ответственностью лица, слегка приоткрыли завесу тайны, чтобы организовать отряды ликвидаторов-добровольцев.

Ах, до чего замечательно жилось в советской стране. Ты добровольно отправляешься почти задаром **туда, не знаю куда**, а тебя взамен могут запросто отоваривать в партийном распределителе. Целых два раза. Или даже три. А уж про бесплатные похороны с прочувствованной речью сытого чинуши у гроба и говорить нечего. Это, так сказать, входит в комплект поставки. А по-нынешнему, по туристическому – «все ритуальные услуги включены».

Ну, да, оставим эти привилегии на совести таких милых и трогательных плачущих коммунистов Рыжковского толка с Горбачёвским бесстыдством консенсуса и пришедших им на смену неполнокомплектных в части отростков на верхних конечностях, включая голову. Нет, пожалуй, ещё пару слов хочется добавить. По поводу первого харизматического демократа из всех **ныне живущих**, дай Бог ему здоровья (рассказ в первоначальной версии был написан в апреле 2005-го года).

Когда все политологи, эксперты и журналисты до сих пор в один голос говорят о несказанном таланте Первого, о его несравненном уме и силе убеждения, да, мало ли, ещё чего хорошего, начинаешь ощущать себя полным идиотом. Я не понимаю, в чём сила гения Всероссийского танкового дедушки. В том ли, что он долгие годы доводил страну вместе с экономическими патологоанатомами до состояния клинической смерти? Или, может быть, в

том его величие, что взрастил чеченский сепаратизм, лично вооружил его, а потом бездарно делал вид, что воевал?

Или вы в виду имели, уважаемые лизоблюды, приватизацию методом воровского общака, то есть перепадает больше собственности тем, у кого «**ходок**» к «**хозяину**» больше и за душой немало добра, нажитого незаконными способами, имеется? А тем, кто живёт на одну зарплату, извините, ничего из, собственно, собственности не полагается. Хорошо, хорошо, не стану спорить.

Действительно, огромный, можно сказать, глобальный умище нужен, чтобы проспать официальный визит на высшем уровне по пьянке, по пьяному делу же подирижировать военным оркестром иностранного государства, или упасть с моста **мимо** обеспокоенных охранников. Тут без харизмы просто никуда.

Но, с другой стороны, милый Старикан твёрдо следовал заветам социализма: «всё лучшее детям» и «дети наше будущее». На всех чад Первого не хватило, харизмы стало жалко. Но зато своим **родным девочкам** устроил папа хорошую жизнь, которую все дружно назвали демократическим развитием России. С одной из них «Аэрофлотом» поделился через зятя и встревоженного господина с лондонской регистрацией патологоанатомического представителя радиоактивной составляющей. Другой поручил управлять страной посредством беспринципных электриков-нанотехнологов и Чукотских начальников «Челси». Король Лир, да и только... Но Шекспиру было бы стыдно, когда б его героями оказались такие ГАРАНТЫ феодально-финансового невежества...

О покойниках плохого не говорят?

Так извините, мои дорогие, писано было ПРИЖИЗНЕННО... Что теперь делать, если жажда пресмыкаться не входит в мои должностные обязанности?

«... и все мы не о том поём, и потому так смело...»? Помните такую строку из бардовской песни времён кухонной демократии? Вернее, поём-то уже о том, но не тогда... и не там. А если даже ТАМ и ТОГДА, власть предрежающим нет никакого дела до твоего героического пения. Собственно, в этом и заключается «берёзовая» демократия по Чубайсу, нанонанайцы его раздери.

Каждый говорит и обличает кого угодно. **Но НИКОМУ нет дела** до этих обличений. Свобода, одним словом. Любой гражданин свободен, как послать, так и быть посланным без каких-либо конкретных обязательств, связанных с отправлением государственных нужд. То есть, вроде бы, есть государственная структура, а самого государства нет. Одна только нужда – вечно сбегать **по маленькому** или основательно присесть **по большому**.

Аппарат бесконечно сам себя перестраивает, называя это нелепое мельтешение реформами, а народ где-то там внизу пытается выжить, а государевым опричникам фискального и мобилизационного толка показать спелую дулю во всей её пролетарской красе. Не жизнь, а сплошная игра во взрослых.

ОНИ делают вид, что заботятся о НАС. А МЫ делаем вид, что хотим со всем старанием исполнить ИХ дурацкую волю, но у НАС плохо это получается. Тем не менее, когда-то такое зыбкое равновесие просто обязано нарушиться. Что будет? Ничего страшного. Придёт умный счетовод с Капитолийского холма, всех нас пересчитает и займёт какой-нибудь не сильно обременительной работой для афро-русских – например, копать. Или – не копать, а закапывать. Хрен от турнепса голландского, как говорится, не очень далеко осеменяется.

А если к тому времени Пентагон накопит новых вооружений, то у нас немного постреляют прицельно. Что вы испугались? Я же просто так неудачно и НАУДАЧУ шучу. Не станут же, в конце концов, американцы бомбить землю, родившую для Великобритании Платона Еленина и Романа-из-Предместья. Почему? Так англичане же их попросят. Нельзя, в конце концов, один из ведущих футбольных клубов Европы невзначай обезглавить! Удары-то крылатыми ракетами хоть и точечные, но мало ли что...

В свете последних исполненных британской тайной Фемидой решений в одном загородном доме, претендент на выживание с отжиманием бабла остался один... но что-то он заскучал, сдулся. Оно и понятно – закон свободного рынка олигархов: нету в твоей нише конкуренции, начинай сушить сухари... или лучше – пиши записку покаянную да в петлю... по методике некоего духовного лица в Озерках. Да, непременно в Озерках... где-нибудь под Лондоном.

* * *

Однако вернёмся в конец мая 1986-го года. Почему именно в конец мая? Просто в это время экипаж Славы Михайлова вместе с бортом МИ-8 и в сопровождении техников отправился к месту ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС (близ города Припяти).

Из **гражданских** лётчиков там собралось пять экипажей вертолётов МИ-8 (Печора, Ухта, Архангельск, подмосковный аэропорт Мячково (радиационная разведка), Свердловск). Они и стали одними из первых ликвидаторов. Свердловский экипаж умер в тот же год и в полном составе, поскольку работал рядом с военными в девятикилометровой зоне от реактора, поливали крыши домов клеем ПВА и битумом, чтобы радиоактивная пыль не поднималась в верхние слои атмосферы. У военных-то лётчиков была защита... Специально оборудованные вертолёты со свинцовыми вставками, да, и сами лётчики экипированы были в специальные костюмы. Защитить гражданских почему-то никому не пришло в голову. Или, может быть, просто на всех этих специальных защитных средств не хватало... А партия, между тем, сказала: «Надо! Потерпите, ребята!» Кто бы с ней стал спорить...

Экипаж Михайлова был занят тушением и локализацией пожаров за пределами опасной девятикилометровой зоны, но и у них на борту приборы зашкаливали. Слава пожаловался кому-то из военных. Приняли меры – отключили дозиметрию внутри и снаружи летательного аппарата.

Конечно, в конце рабочего дня все гражданские пилоты проходили процедуру дезактивации, и радиационные замеры с них снимать не забывали. Но – **что именно** суровые, будто только что спущенные с цепи, офицеры радиационного поста записывали в личные карточки лётного состава, одному Богу известно. А на индивидуальные дозиметры образца 1954-го года, щедро выданные с военных складов горстями, надежды было мало.

Подумайте сами, на какие дозы рассчитывал великий стратег Жуков, когда гнал тысячи молодых здоровых парней в эпицентр ядерного взрыва во время учений на Тоцком полигоне? То-то и оно, что на дозы военного времени, когда необходимо преодолевать и преодолевать. Соответственно, и шкала в дозиметрах военно-метрическая, с допусками типа «плюс-минус трамвайная остановка».

Но теперь-то обычная работа, нужно бы как-то потщательнее к своему здоровью отнестись... Подумал так Слава Михайлов и однажды осмелился спросить, каковы же суточные дозы, которые они вместе с экипажем получают за полётный день с сопутствующими обстоятельствами нахождения в опасном районе. Но вместо ответа на свой простой, казалось бы, вопрос, командир печорской «восьмёрки» был немедленно препровождён к вальяжному особисту.

Тот очень грамотно прочёл пилоту лекцию о политике партии и правительства, о злонамеренных кознях вражеских разведок, провоцирующих разброд и шатание в сплочённых рядах ликвидаторов. Михайлов подумал, что особист, по всей вероятности, с целью пресечения нелепых и подлых высказываний несознательных гражданских работников, сидит постоянно на одном месте, в бункере-бомбоубежище киевского аэропорта «Жуляны» и даже поесть толком не успевает.

Иначе, отчего бы тогда сей особист так невероятно раздулся, что в кресле не помещается? Это, скорее всего, он от голода пухнуть начал, и малоподвижная оперативная работа тоже сказалась. Пожалел Михайлов особиста и мысленно отпустил ему все грехи, вместо «амен» «твою мать-то!» в конец молитвы поставив. Тут и беседа наставительная кончилась. А напоследок Славе напомнили старую истину о том, что многия знания преумножают скорбь. Иди, дескать, парень и не чирикай, а то быстро тебе в сопроводиловке на родное предприятие такую характеристику напишем, что вовек не отмоешься.

Михайлов никогда не был идеальным героем и поэтому решил перетерпеть унижение, которым военное руководство оперативного штаба по ликвидации отблагодарило гражданских лётчиков за помощь. Действительно, воспринимали их, как к людей второго сорта: нет погон – не интересен ты державе, а на здоровье твоё можно положить «с большим социалистическим прибором, украшенным молоткастым серпом имени всехного интернационала».

Да, собственно, и к солдатам **срочной службы** отношение было не лучше. На военном аэродроме возле Чернобыля, где происходила дозаправка «вертушек» в течение полётного дня, в качестве авиамехаников использовались как раз эти молодые ребята. Из-за жаркой погоды солдаты бегали с топливными шлангами от борта к борту, по пояс обнажёнными и в тапочках на босу ногу.

И ни один из отцов-командиров, ни словом не обмолвился об угрожающей молодым парням опасности. А зачем? Сами-то они в специальных армейских комплектах по стоянкам рассекают. Хоть и пот льёт ручьём, зато безвредно. А на всех защитного обмундирования всё равно не хватит. Вот пусть срочники и терпят тяготы и лишения... как в Уставе записано.

Гражданские лётчики и технари помогли снарядить кой-кого из бойцов технической одеждой и обувью из привезённой с собой. Сами-то они были одеты в обычную техническую робу, которую на месте выдали с военных складов. Офицеры, отягощённые толстыми погонными **созвездиями**, только усмехались на эти малозначительные попытки гражданских сберечь для будущего молодое поколение солдат советской армии. Типа, велика держава – бабы ещё нарожают!

* * *

Базировалась аэрофлотовская вертолётная техника в Киевском аэропорту «Жуляны». В течение рабочего дня дозаправка, как я уже отмечал выше, проводилась на военном аэродроме близ Чернобыля. Вояки с подачи академика Велихова, уверяли, что возле телевизора сидеть вреднее, чем проводить по 10–12 часов в окрестностях Чернобыля. Если, скажем, в Припяти, рядом со станцией ещё имеются кое-какие остаточные признаки, то здесь их и в помине нет. А сами, между тем, продолжали ходить в специальных костюмах со свинцовым бандажом вокруг заветного мужского достоинства, невзирая на жаркую погоду.

Каждый вечер после прохождения обязательных процедур по дезактивации экипаж Михайлова шёл на ужин в столовую, где его уже поджидали послеполётные сто пятьдесят граммов водки «на нос», в обязательку. Таким образом, вроде, по уверениям врача, очень хорошо выводятся радиоактивные «альфа-частицы», случайно попавшие в организм вместе со встречным ветром. Хотя известно, что для восстановления поражённой крови лучше пить «Каберне». Никакое другое красное натуральное вино блтзко не имеет подобных реабилитационных свойств, не говоря уже о водке.

«Странно, неужели весь сорт «Каберне» повывели Горбачёвские ханжи-прихвостни, если даже ликвидаторам не хватает?» – думал Михайлов, закусывая положенные ему «лечебные» граммы **практически не радиоактивным** огурцом. В такие минуты экипажи рейсовых самолётов, забредающие в лётную столовую «Жулян», бывали поражены вопию-

щей картиной, когда авиаторы-вертолётчики вместе с техниками распивали «наркомовскую норму» на глазах всего народа в самом, так сказать, центре авиационной безопасности.

Однажды кто-то из любопытных лётчиков с рейсового АН-24 подошёл к столику печорского экипажа, на котором в графинчике, замаскированный под легальную водку, стоял местный самогон.

– Вы что, ребята? Как можно пить... здесь? И вам к семи вылетать? Да вы с ума сошли! Стартовый медпункт вас же не выпустит... – командир АН-24 кипел от негодования, непонимания и, бог знает, ещё от чего.

– А нас на трезвянку вообще к вылетам не допускают, – грустно пошутил Михайлов.

– Так вы куда барражируете?

– Мы вертолётчики. В Чернобыле работаем, слыхали про АЭС?

По залу быстро распространился слух, что добровольцам-«смертникам» из Чернобыля **ЗАПРЕЩЕНО** вылетать на АЭС трезвыми. Впоследствии из Печоры на ликвидации аварии работало ещё два экипажа, в июле и августе того же 1986-го года. Но на них «наркомовская норма» больше не распространялась. Видно, радиация радиацией, а партийная дисциплина превыше всего. Кто-то успел сдать «красивое радиационное застолье». Не иначе...

* * *

Как я уже замечал, работа печорского экипажа заключалась в тушении пожаров в брошенных деревнях (самовозгорание чаще всего, но бывало, что и мародеров спугивали). Огнеборческие работы производили специальным устройством ВСУ-2, вместимостью две тонны, прикреплённым на подвеске. Набор воды проводился в режиме «висения» из окрестных водоёмов. Для тушения и заправки ВСУ старались в девятикилометровую зону не залетать. Там военные вертолёты, защищённые специальным образом, работали.

И вообще, Слава старался не подсаживаться и тем более не садиться с выключением двигателей там, где имелся риск попасть в зону возможного выброса радиоактивных элементов. Поясню для несведущих, что подсаживается вертолёт, когда двигатели не выключаются полностью, а молотят на средних оборотах. Хотя колёсами машина земли касается, но аппарат готов взлететь в любой момент.

Итак, Михайлов предпочитал не сажать машину, но всё же иногда это делать приходилось – когда экипаж сталкивался с нестандартными ситуациями. Как правило, подобные обстоятельства были связаны чаще всего с неполадками заборного механизма ВСУ-2. Подвеску в этом случае приходилось сбрасывать, сажать вертолёт рядом с пожарным механизмом и производить устранение неисправности силами экипажа. Первый раз подсели рядом с рыбаком. Откуда он здесь взялся, если людей давно эвакуировали, непонятно.

Рыбак, весёлый мужичок лет сорока с хвостиком, подбежал к тархтящему вертолёту и попросил закурить. Оказалось, что он живёт один в брошенной деревушке. По социальному происхождению – из бомжей. Уехать в другое место Киевской области не захотел.

– А что мне там делать, – спрашивал мужик риторически, – если у меня даже паспорта нет... Опять по КНС-кам мыкаться зимой и с пьянотиками за тёплое место драться? Нет уж, увольте! А здесь мне теперь хорошо. Хозяин деревни, можно сказать, не кривя душой. Ближайшие соседи, старик со старухой, живут в четырёх верстах от меня. Рыбы в реке полно, главное – не лениться. В огороде овощи, в селпо мешков десять муки обнаружил. На мой век хватит. Не жизнь, в общем, а мечта. Одно плохо, сигареты приходится экономить. Мало их у меня. Ну, да, ничего. Схожу по соседним деревням, может, найду чего.

В заключение беседы мужик принялся было угощать экипаж, подаривший ему три пачки «Опала», свежей, только что пойманной, рыбой. Но Михайлов брать не рискнул. У

рыбы из Припяти глаза были подёрнуты белой плёнкой, как у той, что в уху бросили, за минуту до её полной готовности.

На пятый день по рулёмке Чернобыльского военного аэродрома примчалась какая-то специальная команда и установила под сиденья экипажу свинцовые пластины. В ответ на дружеское «спасибо», военные буркнули что-то неразборчивое в ответ и поспешили уехать в сторону Киева. Именно в этот день пришлось Михайлову со товарищи впервые (и в единственный раз) попасть в запретную 9-ти километровую зону. Строп на ВСУ-2 так запутался, что сбросить его было необходимо немедленно, во избежание аварийной ситуации. Сбросили и приступили к снижению. Было это километрах в восьми от реактора, судя по штурманской карте.

Ещё сверху Слава заметил около двух десятков человек, бегущих к спускающемуся с небес вертолёту. Бортмеханик с летнабом (лётчиком-наблюдателем) помчались к сброшенной подвеске, а Михайлову со вторым пилотом выпала честь встречать делегацию молодых людей в возрастном диапазоне от восемнадцати до двадцати пяти лет. Одеты они были в обычную домашнюю одежду. В основном – джинсы и футболки, на ногах кроссовки.

– Дяденьки, что нам делать? – обратились они к экипажу. – Скоро две недели будет, как мы сидим в полной боевой готовности. Когда нам дело найдут? Вы уж там про нас скажите! Напомните в штабе, что мы готовы на всё....

Оказалось, что эти парни и девушки (!) добровольцы-ликвидаторы из Чернобыля по линии военкомата. Свезли их в сельский клуб неподалёку от Припяти, где и бросили, предоставив самим себе. Перед отъездом, правда, всё позакрывали. Окна, двери, чтобы радиоактивная пыль не так интенсивно внутрь проникала. Запретили из помещения выходить. Кормили, поили три раза в день. Пищу на БТРе привозили. А по утрам ещё и врачей доставляли. В защитных костюмах и специальных масках, какие вы, наверное, видели в фильмах Голливуда о распространении всяческой заразы из загашников Пандоры.

Врачи брали кровь и мочу на анализы, измеряли давление и что-то ещё непонятное странным дребезжащим прибором. Ничего вам такое отношение державы к своим подданным не напоминает? Славе Михайлову напомнило, хотя по возрасту он просто не мог видеть специальных фашистских лагерей, где исследования медицинские проводились. Хотя я на фашистов даже наговариваю, они же военнопленных для этих целей использовали. А наша разудалая держава, так ловко избавившаяся от сталинского наследия, своих добровольцев пользовала втёмную.

Смертники эти ребята, одним словом, как подопытные кролики. Или вроде того. Никому, собственно, они в качестве рабочей силы нужны не были. Тут серьёзный эксперимент на выживаемость в случае ядерного удара, не какое-нибудь маханье лопатами или ломами. А что вы хотели – сами же ребяташки изъявили желание оказать помощь в ликвидации... Тут же не только вопрос об устранении последствий стоит. Бери выше – престиж державы на кону и, самое главное, возможность в мирных условиях выяснить потенциал человеческого организма при воздействии на него радиации.

Экипаж был просто в шоке от наивности молодых людей. Слава сказал:

– Бегите отсюда, как можно быстрее... хлопцы! Пока ещё не поздно...

Не думаю, что все из них, этих отчаянных добровольцев, последовали совету командира печорской «вертушки». Тогда ещё слово «патриотизм» и «самопожертвование» означали то, что должны были означать, а не виртуальный изыск позёрствующих журналистов и депутатов Государевой Думы всех мастей, со всех волостей.

* * *

Что ещё запомнилось Михайлову из той ликвидаторской жизни? Немногое. Пятнадцать дней работы с утра до вечера. Какие тут могут быть впечатления? В Киев выбрались всем экипажем всего один раз. Ночёвки в гостинице УТО аэропорта Жуляны не в счёт. Славу поразила пустынность улиц и практически полное отсутствие детей. Но в магазинах с вино-водочным ассортиментом очереди не переводились. Что это, пережиток догорбачёвской эпохи или попытка обновить заражённую кровь? Оставим этот вопрос без ответа и снова вернёмся к операции по ликвидации.

За две недели работы в зоне отчуждения Слава наблюдал более шести-семи, так называемых, выбросов радиоактивных ингредиентов в атмосферу, после которых образовывались графитовые концентрические окружности с центром на пуповине взбрыкнувшего реактора. Как циркулем их проводили, настолько идеально выверены были чёрные полосы. Однажды экипажу из Печоры объявили перед вылетом: «Реактор заработал». В результате – день простоя. Тогда-то и удалось прогуляться по Крещатику.

Под вечер всё же полетели. И видимо, напрасно. Выбросы продолжались.

– Вы видите впереди оранжевое облако? – надрывалась УКВ-связь на борту МИ-8.

– Наблюдаем.

– Сворачивайте, *на* хрен, а то сгорите заживо, даже не почувствуете!

Михайлов тогда не понял, о чём идёт речь. Просто пыльное облако розового оттенка двигалось навстречу его вертолёту, и всё. А ведь могла бы получиться, так называемая, «смерть под лучом»...

Хотя нет, простите. Что-то я сильно загнул. «Смерть под лучом» – это в истории «мирного атома» встречалась всего два раза: на той же Чернобыльской АЭС... в рядах пожарников, которые спасли половину Европы... честь им и хвала.... И немного раньше на субмарине К-171... Спокойно, господа голосистые ястребы войны. Перечисленные мною факты общеизвестны всему миру. Теперь их никто не замалчивает.

А между тем, Пентагон, прокалывающийся не однажды, продолжает хранить скромную мину девственно чистого, в радиационном смысле департамента. Боже, храни Президента страны, которая считает себя непогрешимой в любых случаях. Потому, наверное, и заготовил несколько миллионов пластиковых гробов в пустынных охраняемых местах: забота о погребении оппонентов власти – высшее проявление демократии, как я понимаю.

А Слава Михайлов вспоминает... Еле в тот раз ушли от выброса радиоактивного йода и ещё, чёрт знает, чего. Тяги от жары почти никакой, вертолёт ползёт, как беременная черепаха. Пришлось сбросить подвеску с баком для тушения пожаров. Правда, на следующий полётный день экипаж удостоился права искать её «вне зачёта».

«Чернобыльские часы», регистрирующие время командировки, затикали по воле военных кураторов только после того, как Михайлов доложил о готовности экипажа к пожарным подвигам на территории брошенных деревень. Сами понимаете, что тогда уже ВСУ-2 болталось на подвеске, а летнаб (лётчик-наблюдатель) строго бдил сквозь занесённый радиоактивной пылью блистер.

Чуть позже тушили пожар в деревне Машево. Вылили полтора десятка порций из ВСУ-2. Летнаб передал Михайлову, что пожар локализован. А он уже оттранслировал начальству с ошибкой, мол, ЛИКВИДИРОВАН пожар. Назавтра в Машево опять горело. Летнаба хотели отстранить от работы, но Михайлов взял вину на себя. Впоследствии эта ошибка сыграла свою роль. Так, по крайней мере, считает Слава.

Два командира экипажей МИ-8 из Печоры, которые работали в Чернобыле уже летом, были награждены Орденами Трудовой Славы. Михайлова удостоили лишь медалью. Я-то

думаю, здесь, в решении «наградить – не наградить» превалировала вовсе не ошибка при докладе о пожаре в деревне Машево, вернее, не только она. Две встречи с особистом за период работы тоже дали о себе знать.

Ах, да, я же не рассказал, каким образом Слава Михайлов оказался у особиста во второй раз. В этом случае он сам напросился на встречу с распухшим от непосильных забот офицером из запасников господина Крюкова. Цель визита, я думаю, будет вам понятна. Слава попытался рассказать о незавидной судьбе молодых добровольцев, которых держали в клубе, как скот, предназначенный на жертвенное заклание.

Я также думаю, что для вас не составит никакого труда вообразить, какой ответ получил Михайлов. Верно, ему намекнули, что если командиру МИ-8 так не повезло, что он узнал секретную информацию, то будет лучше, если это знание останется вместе с ним до самой смерти. Весь экипаж тоже был обслужен заботливыми органами в смысле подписки о неразглашении. В этот раз Славкина молитва была несколько короче, и волшебная фраза «твоя мать!» не только завершала его обращение к Вседержителю КГБ, но и открывала его.

Что ж, за чуть более чем двухнедельный срок Михайлов заработал 25 рентген (по официальным данным), малозначительную медаль и свинцовую пластину, которую удалось стащить с военного вертолёт. Зона отчуждения позднее поставила свою радиоактивную печать неутешительного диагноза в Славкиной жизни. Об этом я упоминал в рассказе «История болезни».

И, как Михайлов сам мне признался, он до сих пор видит странные цветные сны, связанные с Чернобыльской АЭС. Будто навстречу вертолёту движется красивое и подвижное оранжевое с переливами облако радиоактивной пыли. Славик Михайлов в своём сне пытается развернуть машину, но управление потеряно, и тяжёлая длань вышедшего из-под контроля реактора накрывает его вместе с неясной тревогой сиюминутности...

Примечание: в феврале 2009-го года Слава Михайлов погиб при пожаре собственной квартиры; такая ирония судьбы – выжить в авиакатастрофе, не получить смертельного заболевания во время ликвидации Чернобыльской аварии, чтобы потом сгореть по неосторожности.

8. Вахта на Ухту

(командировочная былъ)

Эта история приключилась со мной в апреле 1985-го года, когда я ещё пользовал «Луч-74» во всей его дикой и необузданной красе. На нашем УВК М-6000 приключилось что-то с ферритовой памятью. Может, провод в монтаже отвалился, а, может, и кольцо ферритовое посыпалось. Разбираться некогда – начальству обработку полётной информации из «чёрных ящиков» подавай – на предмет оценивания техники пилотирования. А принимать решения и получать пилюли – это дело уже моё, техническое. Сразу ФПК-83 (факультет повышения квалификации) вспомнился. Саныч с Кузнечиком – как живые встали перед глазами. Смотрят с укоризной, говорят напутственно:

– И чего эт ты, Димыч, делать-то будешь?

Стыдно стало до слёз – чего я действительно так переживаю. Есть же секретный «ход конём», да и адресок на замусоленной бумажке где-то валяется, если, конечно, вторую жизнь кто-нибудь этому обрывку не подарил... с туалетным пипифаксом спутав. Тогда, сами помните, как было... Нет, зря переживал – вот он, родной спасительный адрес: Закарпатье, Буштыно, Мишке Анталу.

С этим Мишей мы вместе постигали науку расшифровки полётной информации на ФПК. Он на заводе, где «Лучи» клепали, снабженцем служит. Звоню в Закарпатье и срочно себе командировку выбиваю. Честь по чести всё оформляю – как-никак приграничный район. Первый отдел за меня поручился – «Этот не сбежит, он тока один раз границу нарушал по дурости!».

Кстати, нарушили мы границу вместе с Санычем в аккурат перед отъездом в Ирпень «на воды». Путёвку по случаю в студенческом профкоме получили как заслуженные «зайцы» общежития номер 4. Вернее, определили нас в санаторий совсем по другой причине – мы же выпускники без пяти минут. И нам бы диплом было крайне способно где-нибудь в тихом месте писать. Впрочем, об этом отдыхе как-нибудь в другой раз, хорошо?

Работал тогда в Борисполе некто вуйко Кондрат (выпуск нашего факультета 1979-го года). И задумал он нам с Санычем подарить кипу бумаги от «Теркаса» (шведская АСУ управления воздушным движением), что в стопу сфальцована, для написания дипломных премудростей, да заодно экскурсию по аэропорту «Борисполь» изнутри провести, все, так сказать, его прелести продемонстрировав. Дело в ночную смену разворачивалось. Экскурсию по старинному народному обычаю полагалось пивом закрепить. А где ж среди ночи культурно сего продукта вкусить? Только в секторе для иностранных пассажиров.

Проникновение в буржуинский буфет прошло безболезненно через потайную дверь (ох и хитёр же Кондрат!). Сидим, пиво вкушаем. Кондрат отлучился на полчаса, чтобы дела свои служебные в порядок привести, а нас с Санычем оставил за благородным занятием. И тут вдруг пришла нам в голову одна затея – напугать лёгкие никотиновым впрыском. Вышли курить прямо на перрон, где иностранцы уже как бы границу пересекают – ещё в СССР, но уже «за бугром». Хорошо стоим. Ни о чём плохом не думаем. Ночной Бориспольский воздух к неспешной беседе располагает.

Отошёл я на минутку от Саныча по незначительной нужде, а когда вернулся – нет Саныча. Стали какие-то подозрительные мысли голову посещать, да к тому ж, смотрю, забежали разные люди по вокзалу. Кричат:

– Ещё один нарушитель где-то скрывается!

Кого это ищут, интересно? Очень быстро пришло осознание простого факта, что нарушитель сей внутри меня находится. Уж не буду рассказывать, как полчаса под стойкой кассы в ногах у знакомой кассирши валялся, скрываясь от бдительных погранцов. Только всему

конец приходит. Явился слегка взволнованный вуйко Кондрат, Саныча у патруля отбил и вывел нас на землю предков. Видно, тогда я и решил, что не буду больше за границу бегать...

Итак, Закарпатье. Солнце *палит* – я те дам! В середине марта у нас ещё морозы вовсю резвятся, а тут такое благолепие повсеместное, что не только душа радуется, но и тело ультрафиолетом пропитывается, будто пористый картон влагой от акварельных красок.

Птички щебечут, солнце жарит, что твой электрический обогреватель с иностранной фамилией – калорифер. Пришлось срочно раздеваться и прятать зимнюю одежду в сумку. Добрался до завода – там неудачка. Миша на неделю в командировку укатил. Хорошо его имя ещё что-то значило – поселили меня в малосемейку; было там несколько секций для командировочных. Сижу эту неделю будто в отпуске. Пивком пробавляюсь, обедаю в единственном заведении общепита – ресторанчике человек на двадцать-тридцать. В ресторане этом такого великолепного клиента, видать, давно не водилось. Местные только по пиву да водке вдаряют под сморщенный помидорец, а тут – полный обед с десертом и кофеём. Официантки выются, «смачного» желают, что на завтра приготовить спрашивают, всю туалетную бумагу на салфетки извели. Любо!

Но тут мою идиллическую командировку Антал прерывает. Пришлось за кой-какие услуги (так и не предоставленные моим тогдашним начальством впоследствии) брать «кубик» памяти и собираться в дальнюю дорожку. Обратно решил через Львов рвануть. Приехал в аэропорт. Как водится, оформил посадочный по годовому служебному билету на шесть часов утра на Москву. Сел поспать. А тут объявляют **УВАГУ**. Шо, мол, поважни громадяне, внерейсовый борт на Ухту начинает погрузку тел, вылетающих на вахту к нефтяным сокровищам республики Коми. Я тут как тут.

Быстрёхонько переделал талон посадочный и через полчаса, маскируясь под ядрёного нефтяника, сидел в салоне «**короткой**» Тушки⁷. Ещё якоря не успели поднять, а уже почалось бесчинство. Братва выпила, закусил домашним (когда ещё придётся), закурила и давай песняка давить. Бортпроводницу к экипажу выгнали, чтоб под ногами не путалась. Она с испугу там весь рейс и просидела. Как сказал бы мой хороший знакомый: «Наберут детей в авиацию!» Могла бы из командирской ракетницы хоть разик шмальнуть для острастки...

Вы посещали когда-нибудь свадьбу в украинском селе? Тогда вы примерно можете себе представить, что на борту творилось. Всё то же самое, только без молодых и молодящихся десятипудовых тёток. Грелки с первачом летали по салону, сало пластами валялось в проходах, в дальнем углу кто-то проигрывал будущую вахтовую пайку сахара в «очко». Гигиенические пакеты были начисто забыты, хотя потребность в них назрела. Меня пытались затащить в этот вертеп, но я с гневом отверг все притязания одичавших нефтяников и три часа пытался изобразить глубокий сон уставшего человека.

Ближе к посадке народ уgomонился и залёг в произвольных местах. В общем, там, где внезапный алкогольный сон застиг весёлых парней. Долго не подавали трап. Потом к самолёту подрулили два «воронка». Началось чистилище. Агнцы – налево, козлища – в машину к ментам. Бригадир, чувствуя, что Государственный план нефтедобычи под угрозой, пытался протестовать, но тоже угодил под крылышко к «серым шинелям». Когда очередь дошла до меня, стюардесса совершенно искренне заявила, что вот он главный заводила – ишь как в бороду ухмыляется. Мне стоило огромного труда доказать, что я СВОЙ – с **Ирафлоту**. «Командировочные мы, не буйные... Вот и память с собой везём в оригинальной упаковке». Видно, поминание какой-то ферритовой матери сильно позабавило представителей власти. Сержант заявил, что ежели б от меня хоть чуть разило перегаром, то обязательно б меня в кутузку определил, чтобы не издевался над органами правопорядка, ядрит-феррит.

⁷ «короткая» Тушка – имеется в виду самолёт ТУ-134 в отличие от «длинной» – ТУ-154; существует и другая трактовка: в обоих случаях речь идёт о ТУ-134, но с разной компоновкой кресел – 72 или 76.

А так – пришлось ждать утра под арестом у дежурного по вокзалу, покуда из Печоры по телефону не признали «брата Васю». Далее я благополучно добрался до дому, а о практическом срыве выполнения плана нефтедобычи узнал позднее из сводок специального выпуска бюллетеня «Нефтяная промышленность республики Коми. Наши достижения».

9. Изобилие

*«Для того чтобы воспринимать чужие мысли, надо не иметь своих»
Лев Толстой*

(документально-партийная баллада времён социалистического реализма)

В помощь критически настроенным апологетам литературной благонамеренности

(вместо предисловия)

Заранее предполагая, какое глухое неприятие вызовет сей опус у т. н. серьёзных донельзя литераторов с критическим жалом обгрызенного в минуты тяжких раздумий стила, решил я высказать парочку параллельных соображений.

Подобного рода рассказы, как тот, что сейчас перед вами, у нешуточно обстоятельных творческих людей вызывает брезгливую улыбку: дескать, и этакий анекдотец нам пытаются впарить за художественное произведение!? Фи, как не совестно. Да таких историй из жизни у каждого из нас наберётся **не одна сотня**, но мы же не **позволяем** себе унижать великий и могучий язык высокого штиля разного рода несолидными поделками. Сей моветон настолько неуместен в литературе, предназначенной **учить и поучать**, что просто поражаешься наивности автора, который не понимает основополагающих принципов современных тенденций в искусстве беллетристики. А принципы такие: псевдо глубокомысленность и простота изложения, которая, как после долгих экспериментов установили учёные мужи от **комиксоизации** классической русской литературы, всё же несколько лучше воровства.

А теперь я выскажу своё мнение. **Позволите?**

Знаете, господа, вы не то, чтобы **не позволяете** (тавтология не умышленная, честное слово) себе писать мелкотемные анекдотические истории. Вы бы и рады сочинить нечто весёлое и не совсем скучное, да вот не выходит ни черта! Можно тысячи раз снисходительно указать автору бак на неслыханную незначительность и убогость фабульной канвы, смешивать его стилистические особенности изложения с пищей воробьёв, но главное остаётся неизменным: вы просто не способны описать занимательно и с юмором обычную житейскую ситуацию. Собственное неумение же не на шутку озабоченных своим величием литераторов ничего, кроме зависти к тем, **кто способен**, вызвать не может.

Я не прав? Тогда где же те россыпи удивительно-феерических историй, написанных с невероятным чувством юмора? Ведь у вас таких историй в памяти не по одной сотне, не так ли? Бойтесь засорить литературу? Враньё! Не верю.

Не выдумал я ничего. Мне очень много раз указывали с заоблачных литературных высот, будто только моё плохое владение языком вынуждает вашего покорного слугу писать в стиле, подумать только, не весьма ходульно-детективного, а иронично-анекдотическом. А это, на взгляд, милейших критиков совершеннейшим образом недозволительно.

Но знаете, уважаемые господа **т. н. серьёзные** литераторы, плодоносить скучнейшим менторским языком, сухим, как облетевший веник после неоднократного посещения парилки, мне было бы убийственно неинтересно.

В моих низкокачественных на ваш взгляд метафорах всё же намного больше жизни, чем в ваших скупых конспектах на темы морали и нравственности. Или вы готовы поспорить

относительно древа жизни с классиком? Не со мной, разумеется, не напрягайте становой мускул бывалого критика.

А далее я осмелюсь поместить непосредственно текст. История, описанная ниже, случилась на самом деле. Я слышал её в изложении одного из непосредственных участников, с которым имел удовольствие общаться на курсах повышения квалификации, каковых в своё время было предостаточно в системе гражданской авиации, ещё не осквернённой зловонным дыханием лондонского сидельца и алчностью зятя Первого Президента со знаковой **фамилией**, из скромности **поменявшей** первую букву.

Конечно же, многие моменты гиперболизированы, но в целом автор сих строк против исторической правды пойти побоялся.

Итак, давайте обратимся к **фактам**. А господам от литературной инфантерии строго рекомендуется **аргументировать**, вызывая к совести читателей, отчего такая форма изложения неуместна и портит литературный вкус уважаемой публики, воспитанной на высочайшем ироничном штиле **додиков** и поучительности мелодрам из жизни графьёв, лордов, равно как и эльфов с гномами да гоблинами.

* * *

В незапамятные времена целиком и полностью победившего социализма в стране наблюдалось превеликое множество первоклассного социального равенства, за которое начинал бороться ещё яростный выводок люмпенов-основоположников. Равенства, основанного на власти любящих давать советы, и отсутствии возможности выбора материальных продуктов ежедневного внутрижелудочного употребления.

С одной стороны, ограничение выбора не позволяет возникновению в душах неуправляемой капиталистической зависти, но с другой – портит элитный генофонд пролетарского происхождения. Противоречие налицо, и с ним нужно что-то делать.

И тут на очередном пленуме ЦК родной до зубовного скрежета партии заметил дорогой генеральный секретарь, что народу живётся не совсем-то и весело ввиду отсутствия белковой составляющей элемента питания советских граждан. А может быть, и вовсе не генеральный секретарь это заметил, а некто другой, с подачи глубоко кующих органов. Собственно, не очень сие важно для развития сюжета нашего повествования.

А существенно вот что: «в верхах» осознали – пора воплотить в жизнь мудрость, которую приписывают классикам советской литературы. Пора, стало быть, начать спасать утопающих в условиях мясного дефицита граждан, занятых укреплением оборонной мощи и техногенно-энергоёмкого изобилия, руками их же самих.

А если пора, то неплохо бы придумать название новому веянию в этом животноводческом направлении, животрепещущем в руках рулевого от публично живого Политбюро. Покумекали партийные руководители, почесали многомудрые затылки, и на свет явилась судьбоносная ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА.

И разлетелась сия программа, миллионными тиражами размноженная, по городам и весям. И рекомендовала в стилистике добровольно-колхозной манеры исполнения руководителям крупных и средних предприятий, как тяжёлой, так и не слишком, промышленности приступить к разведению живности мясной направленности и созданию овошефруктовых тепличных хозяйств закусочно-консервированного качества. А что до малых предприятий, то их директорам партийный орган верховной столичной эрекции повелевал объединяться по месту обитания и создавать всё вышеозначенное на паях.

Не миновала чаша сия и гражданскую авиацию. И взялись многочисленные авиапредприятия за освоение животноводческой науки. По всей стране в одночасье выросло огром-

ное количество курятников, свинарников и теплиц, как правило, неподалёку от инфраструктуры аэропортов. Но это ещё не всё.

Нашлись в стране такие авиаторы-руководители, которым показалось слишком уж неблагодарным делом ухаживать за хрюшками или же помогать **маслянобородистым** кочетам топтать несущек и наседок. Они двинулись дальше, вслед за передовыми веяньями Хью Хеффнера пустились.

Вот теперь и обратимся к истории таких последователей. Фамилии и месторасположение подразделения тогдашнего «Аэрофлота» называть не стану, чтобы не заставлять участников событий испытать чувства, коие, вполне вероятно, не доставили бы им ничего, кроме кошмарных видений.

А начиналось всё прекрасно и вполне в духе партийных конференций, славных и легендарных.

Итак, в одном авиационном предприятии не самого высокого класса, обслуживающем в основном среднемагистральные воздушные суда, был получен **тот самый знаменитый пакет** из столицы, в котором замполит обнаружил руководящие директивы относительно неуклонного роста благосостояния советских граждан, выраженного в калорийности мясного питания, в отдельно взятой авиационной местности.

Вот и присказке конец, кто не слушал, тот герой.

* * *

В кабинете начальника авиапредприятия небольшого областного города ЭН-ска сидели двое: хозяин роскошного по меркам социалистического присутственного места кожаного кресла, исполненного в стиле «падение морального облика Людовика XIV»; во втором человеке по **ленинской искорке** в глазах невооружённым взглядом можно было узнать замполита, то бишь заместителя командира по политической части.

Пакет же с ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОГРАММОЙ, как это и полагается пакету, **лежал**. Лежал на монументальном конференц-столе, который обычно во времена проведения глобальных планёрок, называемых в гражданской, да и в любой авиации, разборами, служил полигоном для верхних конечностей локального начальства, особо приближённого к телу руководителя предприятия.

Типичный такой пакет, невзрачной партийной серости, хотя и с красной полосой, **раздиагоналившей** кабинет на две части: ДО и ПОСЛЕ. До начала борьбы за овеществление сельскохозяйственных свершений и после оных.

На зыбкой границе между прошлым и будущим авиапредприятия, словно на жёрдочке, теснились два боевых сокола гражданского назначения, о коих мы уже упоминали выше. Оба были взволнованы, взопревши и прекрасны собой. Не зря же говорят в народе, что фантазии о будущих деяниях зачастую красочнее самих деяний и, мало того, способны из обычного клерка невысокого полёта создать нового Наполеона... пусть только в его собственном воображении.

Ой, господа хорошие, чую, не нравятся вам кружева и рюши речений моих, на электронный носитель излитых. Понимать-то понимаю, а вот ничего поделать с собой в этой связи не имею ни малейшего желания.

А в кабинете, между тем, начинало завязываться...

— Что будем делать? — спросил замполит тревожным голосом опытного партийного оратора, вынужденного временно уйти в подполье.

— Не понял, Иваныч, — ответствовал командир отчётливой баритональной дробью бывалого хозяйственника, — то есть, как это, **что**? Выполнять будем из всех партийных сил. Это же не хаханьки там какие-то, серьёзный документ. Мирового значения, кстати!

– Не нужно меня, Сергеич, за советскую власть агитировать. Всё я понимаю. А спрашиваю только, каких будем зверей разводить: свинок или курей?

– А других уже никак нельзя?

– Можно, разумеется. Никто нас в этом не ограничивает. Но я предлагаю остановить свой выбор на ком-то из списка, озвученном выше...

– Снова не понял, Иваныч... Ты о чём?

– Слушай, Сергеич, всё же ясно. Разводить коров – одни хлопоты. На них кормов не напасёшься. Сенокос, то-сё... Тебя, что ли с колхозной повинности ежегодной изжога не мучит? А ведь её никто не отменял. И своих коров кормить, и колхозных – не слишком ли?

И ещё: коров летом пасти требуется, и доить их надобно ежедневно, прежде чем забить на праздничный стол советского авиатора. Нам что теперь придётся экономистов и бухгалтеров на курсах доярок учить?

И бараны с овцами – тот же геморрой, только плюс к тому спецов по стрижке-брижке искать надобно. Шерсть, оно, конечно, дело прибыльное... Но, как представишь, в какие дебри это хозяйство может завести...

Так что, дорогой мой, душа-человек, в самый нам раз свинством озаботиться. Поросята и жрут-то всё, что ни попадя, а не траву с сеном. Будем свиней кормить отходами из столовой, а потом забьём и их самих в ту столовую на экскурсию, так сказать... хе-хе... Безотходное производство. Что может быть лучше?

Ну, не хочешь свиней... хотя странно, ты же не правоверный мусульманин, как я понимаю... Не иудей кошерный. Может быть, что-либо личное у тебя с поросятами связано? Давай тогда курицами займёмся. Тут тебе и яйцо свеженькое и курятинка к Октябрьским для каждого работника... или почти для каждого.

А что, в самом-то деле, не кенгуру нам разводить или там нутрий каких... Хлопот много, а толку мало...

– Иваныч, ты не на трибуне. Умерь коммунистическую составляющую! Разверни вектор своей политизированности диалектическим концом в массы. Я и сам всё понимаю. Насчёт свиней, коров и прочего... Не о том говорю. Сейчас полстраны начнёт свинством заниматься или птицефабрики ладить... Это же несерьёзно. Наше предприятие всегда в передовиках значилось, а тут изволь с **мясом свинины**, как любят писать на ценниках колхозных рынков, пополнять бесконечные хрюкающие шеренги социалистической авиационной зоотехники... Несерьёзно! Неужели у тебя нет собственной гордости, уважаемый замполит?

– Эк, тебя унесло-то в поднебесные дали... Индивидуалистом быть не совсем, понимаешь, того... Смотри, не сболтни там (*многозначительный указательный жест на потолок перстом соответственного толка*), а то поймут неправильно. Быстро из номенклатуры изымут... и фамилию по дороге исковеркают изощрённым образом. Чем тебе свинки не пришлись или курочки?

– Хочу что-то особенное...

– Так чего уж тут и выбрать-то можно? Всё же, вроде, обсудили. Нет достойной альтернативы...

– А вот и есть. Кролики – это не только... Впрочем, оставлю славу скорняжных первопроходцев юмористам будущего.

Да, вот именно, кроликов же не всякий руководитель додумается разводить. Скажу больше, МЫ окажемся в передовиках, если кролями займёмся. Слышал же сам, наверное, будто ушастые твари невероятно плодовиты: что ни месяц, то потомство. С таким-то товаром не составит труда завалить всех сотрудников мясом, а шкурки можно в соседний район на шапки сдавать... У них там меховая фабрика вечно с сырьём мается. А тут мы! Половину продукции поставщику полагается. Как минимум. Шапки зимние работникам... Представ-

ляешь, всё предприятие обеспечим... Да, что там предприятие, весь город, вся область скоро будет в **наших** ушанках зимой гулять! Кругом о нас с тобой говорить начнут. А раз говорят, то – слава, почёт и уважение. Глядишь, скоро и в министерство пригласят. В столицах, оно куда как приятней пользу державе приносить, нежели в нашем «медвежьем углу». Ну, что ты улыбаешься скептически? Неужели я неверно говорю?

– И точно, Сергеич, забыл я о кроликах-то. Только есть одно **но**. Читал где-то... или... нет, не читал... говорили, скорее всего, будто кролики сильно всяким болезням эпидемическим подвержены: если один заразился, скоро вся стая, как говорится, коньки отбросит.

– Так что с того. Говорят, видишь ли... Кто говорит-то? Дилетанты всякие, которые живого кролика только на картинках или по телевизору в программе «Сельский час» о передовиках пятилетки... А мы специалиста найдём. Настоящего. С большой буквы. Зоотехника с огромным опытом, который не даст заразе проникнуть в стройные ряды наших будущих подопечных.

– Вот уже и «**наших**»... Наши – это что-то вербальноэзотерическое, пожалуй... что-то из будущего... светлого. Не скажу, что стопроцентно коммунистического, как божится Политбюро, но... Сбился с мысли... Ну да ладно. Не о том сказать хотел.

Тут, видишь, какое дело, Сергеич, как мы того специалиста по кроликам сможем привлечь? Нам же в штат никто не позволит зоотехника ввести. Авиация, как никак, а не какой-нибудь там свечной заводик.

– Решаемо всё, Иваныч. Очень просто, кстати. У нас вакансия как раз образовалась. Именно должность твоего духовного заместителя, освобождённого секретаря комсомольской организации в виду имею. Леночка, если я не ошибаюсь, в декрет вышла с последующим увольнением. Не дёргайся так, не красней. Это не вопрос, а утверждение. Тут и осведомителей никаких не требуется, если весь аэропорт на ушах стоит и друг другу в качестве «тысячи и одной ночи» за праздничной **румкой** **сюпа** пересказывает подробности, будто у кого-то родня на ТОМ свечном заводе, канделябр им в руки...

Но, вообще говоря, дело житейское. Не переживай очень-то. Не каждый в твоём возрасте такой орёл, такой, можно сказать, кролик... Вот и параллели духовные просматриваться начали. Диалектика, понимаешь ли, как учат нас в своём творческом наследии бородатые **карлы**, Иваныч, не на партсобрании будут они помянуты.

Одним словом, берём мы на место твоего заместителя по комсомольской линии опытного зоотехника с кроличьим уклоном. Найди мне такого. Хоть из-под земли. Думаю, никто не откажется в авиации поработать... с нашим-то окладом жалованья. Плюс пять процентов за вредность. Работа с реактивной техникой, как никак... И то сказать, чем кроль самой репродуктивной самцовости хуже реактивного воздушного судна? Скорости, можно сказать, одного порядка... хе-хе... А ты говоришь, мол, свиней давай разводить... или там кур, каких...

Так как, Иваныч, найдёшь мне наипервейшего спеца по ушастым половым безобразникам? Или сам займёшься? Опыт-то, я чай, с Еленой Прекрасной кой-какой приобрёл? Да не тушуйся ты... Шучу я, шучу...

– Вижу, Сергеич, выбора у меня нет. Будет тебе специалист. Самый лучший. За неделю, думаю, управлюсь. Подключу свои связи в области. Хрен те кого брать не станем, только аса... своего дела мастера...

– Ты уж расстарайся, мил друг! Нам с тобой в грязь лицом никак нельзя...

* * *

Через неделю в том же кабинете сидело уже трое. Во главе стола обычным манером властвовал командир авиапредприятия, красивый, как чёрт в скуфейке от аэрофлота,

с погонями нетканой золотой сусальности. Замполит тоже чувствовал себя здесь не совсем последним человеком. Треугольник людских отношений в масштабе классовой привлекательности перезрелого социализма замыкал некто наукообразный – человек со странностями, но с виду компанейский.

О принадлежности последнего к миру гениальных до безумия учёных можно было судить по шальному взгляду красных кроличьих глаз, строгому галстуку ядовито-серого оттенка устоявшейся биологической структуры поверх объективно-колхозной косоворотки с когда-то красивой вышивкой, очкам на суровой нитке вместо заушников и острой бородке клинышком в стиле всесоюзного старосты Михаила Ивановича.

Остатки лилового синяка, располагавшегося под правым оком, ничуть не портили немного трагическую наружность изрядно пафосной внешности этого гражданина. А, впрочем, вполне, наверное, и **товарища**, если подходить к нему с точки зрения марксова учения, перетолмаченного доброхотами от Политбюро и Его Серейшества, виват-партайгеноссе Михаила Андреевича.

И ещё к тому подталкивало следующее обстоятельство: цвета синячных отходов, а, проще говоря, гематомы ударно-фонарного происхождения, были различимы с трудом. Они буквально терялись на сизоватом раздолье плоскодонного лица ярко выраженного пролетарского превосходства советской интеллигенции (в качестве ароматной прослойки) относительно невероятно порочного (сведения о порочности почерпнуты из утренних центральных газет) банкира из какого-нибудь *«Космополитен-энивере-юнивёрсал-банка»*.

– Знакомся, Имярек Сергеич, это самый лучший специалист по кроликам в нашей и двух соседних областях. Зовут его Хома Филиппович Хефренов. Интеллигент во втором поколении, зоотехник от бога, полиглот от библиотеки имени Ильича. О разведении кроликов знает всё исключительно. Практически из первых рук... И полагаю, даже несколько больше возможного... – замполит был достаточно сдержан. Я бы сказал, интонация его походила на тембр речи подпольщика из группы «Молодая Италия», овод его раздери, во время конспиративной встречи.

Командир поднялся, расправил военно-воздушные плечи (раньше он летал на месте второго пилота в транспортном самолёте АН-12 одного из сосчитанных сметливыми НАТОвскими разведчиками подразделений транспортной авиации). Будто боевой петушок из сказки Александра Сергеевича, взлетел он над обыденностью производственной и молвил на удивление человеческим... и вполне человеческим голосом:

– Очень приятно, Фома Хайкович, я воевода (*смешок из подвздошья*) здешних мест... Царь, юридическое лицо и ваш будущий работодатель. Вы в курсе, уважаемый, зачем здесь оказались?

– Мы, кагрится, завсегда способныя оценить всякия уваженьица и прочий монплеизир. К нам и на **ты** можно обратиться. Мы же ж не ханжи какие-то... Понимаем, что к чему, стал быть... так мать родна!

– С кроликами умеете обращаться?

– А чего с ём обращаться, с кролем, понимаешь? Это ж не с пушки палить по атмосферным явлениям или же ж самолётам хвосты крутить... Такой коверкот, шкуркою навыверт ему взаправду... так мать родна!

– Хорошо, как там... вас... по батюшке? Ах, да-да, Липпович... Что? Лучше просто доктор Френ? Согласен. Пусть так. Скажите, уважаемый доктор Френ, а здоровье кроликов можно достоверно гарантировать при их разведении?

– О! Дорогой мой, Имярек Сергеич, этакую гарантию вам и Иван Петрович Павлов со своим безусловно условным рефлексом не даст. А вот подрасстараться, чтоб всё пучком было... так мать родна. Приходи кума любоваться... и всё такое... Мы, Хефреновы, способ-

ные. С нас станется... Зря, что ли, одних зоотехникумов ажник три штуки почтили своим присутствием. Будете смеяться, но таких спецов во всём белом свете нет.

Хотя, правда, был один циркач из арабского роду-племени... Но замёрз в Саратовском городе, люди сказывали, когда в гостинцу от цыган в **полунеглиже** возвращался... так мать родна... И нет бы, поехать ему в коммунальной кибитке с этими детьми бессарабских зачатий, неучтённых Минздравом, или на таксомоторе. Так ведь отказался от услуг сторонних. Не то поскупился, не то поиздержался. А быстрее всего, другое приключилось... Втемяшилось болезному, будтобысь он у себя в африканских **саваннах** разгуливать изволит. Так потом его **саваном**-то и прикрыли, когда на родину отправляли вместе с грузом кедровых орехов для ихнего мусульманского падишахства. Ей-бога, так и пропах Сибирью этот заполошный арапчонок, от мороза скукоженный...

Но не о том хотел соопчить уважаемому собранию.

Я ж ещё с мальцов у деда своего, Филиппа Клементича, учился, как кролей разводить. Дед тогда яму в огороде выкопал. Два на два и метр в глубину. Опустил туда пару кроличью и стал им всяких овощей подкидывать: капустный лист, репу, морковь, турнепс... комбикорма, что в колхозе плохо лежали. А этим в яме-то что – знай себе, размножайся. Скоро расплодились кролики, нор себе внутри ямы нарыли, что твои лисы. Наружу только по требованию инстинкта размножения вылезают. Благодать.

Только скоро сильно запереживал Филипп Клементич, даже слёг на пару недель. И сынок его Филипп Филиппович, наш родитель, стало быть, тоже сильно переживал. И было отчего, доложу я вам. Заразились кроли чумкой, да и передохли все. Вот тогда я и дал слово деду, что всю свою карьеру этим животным посвящу... так мать родна...

– Понятно, уважаемый. Понятно. С кроликами, получается, у вас всё нормально. А вот как с этим самым (*характерный щелчок сакрального свойства по горлу в районе адамова яблока*)? Не запёте, случаем?

– Что вы, как можно-sss (*извечная холопская привычка, так свойственная потомственным интеллигентом второго поколения*), эт мы только исключительно по праздникам... или с устатку. Так мать родна...

– Лады. Только смотрите у меня, доктор Френ, если запах учую... А за каждого кролика будете лично отчитываться и за его здоровье персонально отвечать. Не допустите эпидемий?

– Дак мы, это, Имярек Сергеевич, на всё согласные. Не посраим... так мать родна!

– Всё, идите в кадры оформляться, потом в бухгалтерию. Там получите подотчётную сумму на приобретение элитных кроликов...

И работа закипела.

* * *

Минул год. Примерно год. Авиапредприятие попало, как сейчас бы сказали отвязные телеведущие разнообразных ток-шоу, на вершину сельскохозяйственных чартов министерства гражданской авиации.

В те времена у авиации ещё было своё министерство, пока догадливый харизматический премьер с афро-русской фамилией (из нынешних) не понял, что воздушным флотом в самый раз рулить капитану дальнего плавания или топ-менеджеру, хорошо знающему сетевые графики и собаку съевшему на вопросах экономии топлива. Правда, при этом снижались показатели безопасности полётов, но по сравнению с прибылью такой недостаток можно считать несущественным.

Но я отвлёкся. Извините. Вернёмся на несколько десятков лет назад. Успехи в реализации ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ в рассматриваемом предприятии были велики. К очередным революционным праздникам большинство работников получило пре-

красное жаркое из крольчатины, а командир с замполитом устную, пока устную (блажен, кто верует), благодарность от руководства в телефонном разговоре.

В воздухе уже витала **неусреднённая статистикой определённости** того обстоятельства, что вот-вот благодарность из устной превратится в письменную, потом в денежно-купюрную, а в самом конце этого парадного ряда замполит смог разглядеть кремлёвские звёзды на аэрофлотовской ёлке в министерстве... где-то в районе Ленинградского шоссе.

Доктор Френ трудился, не покладая рук. Хома Филиппович буквально светился от счастья, без усталости и лени осознавая тот факт, что приносит пользу человечеству на самом ответственном участке продовольственного фронта. Его министерская борода в стиле Михаила Ивановича Калинина с изящным меньшевистским изгибом, то и дело щекотала румяные щёки работниц кроличьей фермы, мохнатые подмышки плодовитых обитателей подсобного хозяйства и более всего изящную шейку командирской секретарши Зиночки.

Доктора Френа в кругу работников авиапредприятия называли кроличьим замполитом. Но он не обижался. Наверное, Хоме Филипповичу даже нравилось это прозвище. В колхозе-то, где он работал раньше, его иначе, как **Бычьим цепнем** никогда не величали, и вдруг разом такое повышение! Тут бы любой загордился на его месте. Правильно я излагаю?

Хефренова стали приглашать на командирские разборы, где ему давали слово сразу же после главного инженера. А что вы хотели, **ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА** считалась первоочередной задачей советского правительства после подкупа прогрессивных африканских диктаторов и распространения материалов двадцать какого-то съезда партии среди передового отряда американских безработных.

Каждый понедельник приглашали. Каждый ли? Ах, нет, один разбор доктор Френ пропустил с разрешения руководства, поскольку производил классические опыты по скрещиванию двух элитных кроличьих пород со своим непосредственным участием в качестве тренера. Доверить руководство процессом он пока никому не мог, не воспитал ещё преемника на все сто зоологических процента. А, кстати, результат эксперимента сулил немислимые привесы дефицитного диетического мяса в кратчайшие сроки. Свиньи йоркширской пятнистой породы позавидовали бы.

Как правило, рабочая неделя для Хомы Филипповича начиналась так: секретарша Зиночка непременно звонила на ферму за двадцать минут до начала разбора и заливисто излагала в телефонную трубку:

– Алл-лоуэ, Хома Филиппович, голубчик, вы не забыли, что **МОЙ** ждёт вас на совещание. Да-да, ровно к десяти. Как там успехи у ваших кроликов? Знаете, у них такая насыщенная личная жизнь, что мне порой хочется стать кроличьей... Фу, пошляк! Разве об этом можно... в рабочее время?

И Зиночка заливалась тем удивительным смехом полной жизненных сил дамы прекрасных балзаковских годов, от которого тонус большинства особей мужского пола становился возвышенным и недостижимым для вражеских спутников, вращающихся на геостационарной орбите.

О! как я хотел бы оказаться в числе этих счастливиц, кому дозволено часами рассматривать круглые колени Зинаиды, ожидая командирской воли в приёмной на располагающем к непроизводственным, но оттого не менее продуктивным, мечтаниям мягком диване чёрной партийной кожи с комиссарских косовороток, тьфу, конечно же, курток модели ЧК-ГПУ эпохи установления торжества **общего** над **частным**, **неразумного** над **вечным**.

* * *

Прошло ещё несколько времени... Так, кажется, пишут в толстых романах-хрониках, если хотят напустить туману на жизнедеятельность героев в этот как раз период.

Я тоже подпустил... чай, не хуже иных-прочих.

И вот очередной разбор. Чувствуете, с каким пафосом говорит Хома Филиппович? Его и самого не узнать. Здоровая **полнота** в гладко выбритых щеках, **полноватая** упругая гладкость тугого мячика живота, доверительно свешивающегося поверх модного поясного ремня, увенчанного пряжкой, отделанной малахитовым камнем. В глазах вера в светлое будущее всего без исключения человечества (про человечество не я придумал, такими категориями мыслил доктор Френ), во внутреннем кармане форменного пиджака цвета густого индиго две рекомендации в первичную партийную организацию. Одна от командира, вторая от замполита.

И речь его в связи с вновь открывшимися замечательными обстоятельствами сделалась более приятной для слуха. Слова-паразиты исчезали из обихода, будто блохи от дёгтя. Только знаменитая «**мать родна**» настолько плотно прикипела к его подсознанию, что избавить доктора Френа от этого жаргонного термина у командира не хватило административного ресурса.

Доктор Френ говорил. Нет, пожалуй, не говорил, а вещал:

– Дорогие сослуживцы и лично Имярек Сергеевич, за отчётную неделю в деле скрепления двух морозоустойчивых пород произошли явные сдвиги. Элитный производитель Борька осеменил двенадцать самочек венской голубой породы, по десять-пятнадцать раз каждую. Информационный бюллетень с более подробными данными отпечатан в десяти экземплярах и лежит перед вами. В нём вы легко увидите динамику работы элитного производителя из золотого семенного фонда «Кролики мира», «World rabbits» в английской транскрипции. Производители Косой, Ушан и Резвый продолжали свою опытную эксплуатацию на первой, второй и третьей площадках. Работы, одним словом, ведутся... так мать родна...

– Вот это дела! – завистливо отметил начальник цеха тяжёлых регламентов. – Нам бы такие темпы на замене двигателей...

– Это вы просто плохой подход к людям имеете! – перебил его замполит. – Посмотрите, как доктор Френ индивидуально с каждым производителем работает. Залюбуешься. Вот вы говорите, что и так, мол, времени не хватает. А чему нас учит партия во главе с Политбюро своего ЦК? Ага, запамятовали, вижу... Так я вам напомним. Нельзя гнушаться положительным опытом в смежных областях. Распространять его – наша первоочередная задача.

– Это как же, позвольте, ИмярекДва Иваныч? Мне что, тоже эксперимент по размножению разных пород авиационных двигателей прикажете начать?

– Так уж и двигателей... – хихикнул кто-то сквозь прикрытые губы. – Драть нужно своих подчинённых как следует, и тогда всё будете успевать... А люди ещё и благодарны останутся... если с душой-то... кхе-х... хе-хе...

– Прекратите балаган! – вступил командир. – Нечего серьёзный разговор превращать в анекдот. Кто там у нас следующий доложит? Ага, вот начальник автобазы слова просит. Удовлетворим товарища... Кто там опять хихикает?! Смотрите мне, так и 13-ую зарплату можно прохихикать... Поглядим тогда, как жёны к подобному обороту отнесутся. Думаю, придётся элитным кроликам завидовать... кое-кому, не стану показывать пальцем. Успокоились? Слушаем начальника автобазы.

– За последнюю неделю, – начал докладывать начальник спецавтохозяйства, – работали без чрезвычайных событий. Ремонт автомобильной техники осуществлялся по плану, нарушений и предпосылок к лётным происшествиям по вине службы не было. Только вот...

– Что ещё?

– Понимаете, такое дело... Как бы это сказать... Вроде бы, к производству никакого...

– Да не тяните вы осла за уши! Толком говорите.

– Одним словом, сегодня утром во время пересменки механиком гаража Зрячим в боксе для спецавтомобиля АПА (*автомобиль для запуска двигателей воздушных судов в случае*

отказа стационарных точек аэродромного питания, прим. кролика-консультанта) было обнаружено... В самом углу... Там, где лужа с соляркой всё время... Там они... В общем, он её... Они там... Сношались, одним словом...

– Кто кого? – поразился командир. – Так рано у нас только уборщицы приходят...

– Нет, Имярек Сергеич, то кроль свою... эту... бабу... то есть, самку крыл на больших оборотах... на четвёртой передаче. Уши в мазуте, задница в смазке... но без смущения... Наяривал, что твой отбойный молоток... даром, что без компрессора...

– А ещё особые приметы были? – это уже Хома Филиппович голос подал.

– Нет, вроде бы, без извращений... Как полагается всё.

– Я вас о приметах кролика спрашиваю.

– А, извините. Сначала не понял. Приметы, говорите? Да как сказать... Похоже, два чёрных пятна на спине... Вроде очков... Точно, мне Зрячий так и скал, мол, так наяривает, что аж очки на спину съехали... Шутил вроде.

– Вот он где, голубчик! Это Фараон Геня. Я его два дня найти не мог. Так его поймали?

– Механик отловил. Кошму противопожарную на спину набросил... Сидит теперь красавец в ящике с инструментом. Ребята сначала хотели его на бульон пустить, но я не дал...

– Отлично! Не забудьте нам на объект завезти. Теперь придётся всю ферму проверять. Как это ему выскользнуть удалось, интересно? Товарищ командир, Имярек Сергеич, распорядитесь, чтобы строители все лазейки позаделали, а не то растеряем элитных производителей... так мать родна!

– Самца-то мы прихватили, а баба его убежала.

– Ничего, не страшно. В самочках у нас дефицита не наблюдается. Захочет родить в человеческих условиях, сама вернётся, ха-ха... (*три раза*).

– Товарищ доктор, а у крольчих разве есть, это... ну, как его... тяга к окоту в культурных условиях?

– К окоту нет, а вот к производителям тяга имеется. Хотя и не к окоту вовсе... В качестве ликбеза, так мать родна. У крольчих бывает не окот, а окрол, чтоб вы, **тэксказать**, не сомневались. А с производителями у них всегда, что там говорить, внутренний позыв имеется. На уровне хромосомов, чего скрывать... Так что не волнуйтесь, товарищи, ни один экземпляр не пропадёт...

– ...если собак не спускать с привязи... – меланхолично заметил начальник военизированной охраны, сокращённо – ВОХР.

– Собак вы посадите на цепи! А беременную (*ещё с утра*) беглянку изловить и передать в руки правосудия... пардон, вернуть на ферму! – распорядился руководитель предприятия, и разбор благополучно закончился.

Оставшись один, командир сделал пометку в перекидном календаре типа «органайзер советской номенклатуры», отметку такую: **«послать плотников на ферму... пусть заткнут все щели... чтоб производители не сношали дам на рабочих местах производственных объектов»**.

* * *

Через неделю вопреки недавно установившейся традиции первым слово на командирском разборе получил кроличий замполит. Обстоятельства обязывали руководителя предприятия начать совещание именно с выступления Хома Филипповича. Отчего так? Давайте послушаем специалиста, и нам всё станет ясно...

– Уважаемые коллеги и лично Имярек Сергеич, довожу до вашего сведения некоторые обстоятельства, какгрится, возникшие за текущую неделю. Вслед за той самой крольчихой,

которую не удалось задержать в гараже, территорию фермы несанкционированно покинули ещё несколько особей обоего пола...

– Недопонял. А это вдруг, какого чёрта?! – возмутился командир. – Что же плотники? У вас, как мне помнится, два человека работали всю неделю... И ничего не могли сделать?

– Так ведь оно... того... – заволновался доктор Френ, – они... плотники, стало быть, только приступили... можно сказать, ещё и не начали толком... а эти шаромыжники ушастые целым выводком вперёд рванули... Прямо в отверстие. Вот такая у них неприличная привычка... Да, точно... И сетки **рабица** не помогли, даром, что однофамильцы... по англо-саксонской линии с нашими диссидентами (*короткий смешок собственной шутке*), и бойцы ВОХРа сплеховали... так мать родна.

– Так приказа стрелять по зайцам не было... – решил заранее оправдаться начальник военизированной охраны.

– Не по зайцам, а по кролям... так мать родна, – поправил его доктор Френ.

– У вас, что ли, проблемы с инструктажем, стрелки вы наши Ворошиловские? – возмутился замполит. – На территории аэропорта необходимо нести службу, будто в армии. Уточняю: завидел незнакомца, что без пропуска шляется, сразу ему вопрос, стой, дескать, кто идёт. Не отвечает и скрыться пытается – пали дробью по заднице без сожаления, поскольку... Что для нас есть аэропорт? Правильно, предприятие стратегическое и практически секретное. Так что никакого нет сомнения в том, как себя вести... А твои бойцы потерялись, видишь ли... Придётся их на партсобрании в первичке пропесочить для первого случая...

– Это, Иваныч, ты сильно кровожаден стал. Кроликов не стрелять нужно, а отлавливать... Чтобы не шлялись по предприятию и своими развратными действиями не смущали технический и лётно-подъёмный персонал. Верно я говорю, Хома Филиппович? – Слова командира вновь оказались самыми весомыми.

– Точно-точно, подстреленный кролик нам без толку, без понятия... С него никакого навару, **какгрится**. Шкурка запорчена, а вместо мясного рагу сплошной шрапнельный бефстроганов 12-го калибра. И хрен бы с ним, если б одни девки шампанской породы сбежали, то ведь отборные фландры и даже один венский голубой⁸. Чисто в убыток таких красавцев в распыл-то пускать.

– Все слышали, что специалист сказал? Никаких расстрелов! Живьём брать дем... тьфу, беглецов. Гайдаем вас заклинаю! Принципы материального и морального стимулирования в вопросе отлова проработает финансовая служба в ближайшее время. Я распоряжусь. А пока доведите до людей, что сотрудничество в области решения вопросов ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ (*указательный палец командира многозначительно принял облик сильно восклицательного знака*) безнаказанным не останется. Шутка, хех... Вопросы есть? Так, что там у нас снова на автобазе?

⁸ Пояснения в помощь начинающим кролиководам *Шампань*, порода кроликов мясошкурковой продуктивности. Выведена в Индии. Названная от французской провинции Шампань, где порода совершенствовалась. Взрослые кролики весят 3,7–4,0 кг, молодняк в 4-месячном возрасте – 2 кг. Плодовитость 6–7 кроликов за окрол. Шкурка серебристая с густым мехом, кончик мордочки и уши темно-серебристые; крольчата рождаются чёрными, в 5–6 мес. приобретают окраску взрослых животных. Кролики хорошо откармливаются и дают высококачественную тушку. Разводят Ш. во Франции, Австрии, Великобритании, США и других странах; в СССР использовалась при выведении серебристого кролика *Фландр* (Flandre – Фландрия, историческая обл.), порода кроликов мясо-шкуркового направления. Выведена в Бельгии. Взрослые кролики весят в среднем 5,5 кг (до 9 кг). Молодняк скороспелый: к 4 мес. весит 3,3 кг и более. Плодовитость – 6 и более крольчат за окрол. Мех густой. Окраска серозаячья, тёмно-серая, чёрная и др. Шкурки используют в натуральном виде и для имитации более ценных мехов. Разводят Ф. в Бельгии; в СССР использовали для улучшения др. пород и при выведении породы серый великан. *Венский голубой кролик*. Сизо-голубоватые кролики с мягкой блестящей шкуркой нравятся кролиководам. Зверьки выносливы, хорошо приспосабливаются к климату разных районов нашей большой страны, неприхотливы к кормам. И шкурка у них пушистее и мягче, чем у кроликов других меховых пород. Венские голубые бывают светлых и темных тонов. Кролиководы отдадут предпочтение более темным.

– За последние несколько дней участились случаи утренних свиданий кроликов производителей... таких больших и серых (*«Это фландры»*, – *вздыхнул доктор Френ еле слышно*)... С белыми крольчихами (*«Шампань»*, – *прокомментировал Хома Филиппович*)... Ни стыда не совести. И всё это в гаражных боксах... Антисанитария... перевёрнутые вёдра... уборщицы стесняются... А сегодня механик Зрячев увидел, что трое здоровых кролика изнасиловали служебную собаку Полкана, приписанного к автобазе. Двое держали, а третий...

– А Зрячев ваш сильно выпивает?

– Это не важно. Существенно другое – гараж превращается в публичный дом! А ведь здесь вам не Амстердам, дорогие товарищи, и даже не Гамбург. Доколе?!

– Очень хорошо, – командир улыбнулся самой очаровательной улыбкой из своего административного набора номенклатурного работника средней руки, – теперь ясно, где дислоцируются сбежавшие кролики. Предлагаю сформировать добровольные бригады по отлову. Займитесь этим, Хома Филиппович. Даю вам самые обширные полномочия. За работу, товарищи! Что там любили говаривать наши классики, Имярек Два Иванович?

– Цели поставлены, задачи определены?

– Вот-вот, я и говорю... Партия наш рулевой.

* * *

Следующий разбор состоялся в экстренном порядке посередине недели. События начали принимать тревожный характер. Доклады руководителей служб напоминали сводки с фронта, где наглый и плодовитый противник, пользуясь даром, данным природой от рождения, распространял своё влияние на новые и новые территории. Если раньше всё ограничивалось одной только автобазой, то теперь страдали и другие службы.

Вот, пожалуйста, извольте взглянуть на стенограммную выписку этого совещания:

Начальник цеха тяжёлых регламентов: ...Производительность труда у технического персонала катастрофически падает. Массовые совокупления кроличьих парочек вызывают негодование у партийной и комсомольской организации цеха. Решением открытого партсобрания создана бригада по пресечению буржуазных растлевающих действий, приводящих опытных работников в наплевательское состояние к ударному труду. Один только бригадир Михеич не снизил своих показателей. Но это только от его угрюмого характера и незалеченной импотенции... Требуем усилить влияние руководства кролиководческой фермы! Иначе – квартальный план по ремонту и техническому обслуживанию воздушных судов будет с треском провален.

Начальник зоны спецконтроля: Сегодня при досмотре ручной клади сотрудницей линейного отделения милиции Трещёткиной были обнаружены два серых кролика в чемодане пассажира Подкопытина, вылетающего в Одессу. Судя по тому, что рентгеноскопическая картинка была зловеще статичной, Трещёткина сделала логический вывод – кролики мертвы, и потеряла сознание от избытка служебного рвения по причине женской впечатлительности. Впоследствии умозаключение нашей работницы было в некотором роде подтверждено. Подкопытин вёз двух плюшевых зайцев своим дочкам-близняшкам в подарок.

Понимаю, что случилась ошибка, но она вызвала нехорошие насмешки от коллег, и теперь вы можете себе представить, насколько нервная обстановка в службе.

Начальник службы ГСМ (горюче-смазочных материалов): Если на прошлой неделе содержание кроличьей мочи в авиационном керосине составляло всего лишь 2,45 %, то сегодня уже достигло пяти с четвертью процента. Такими темпами через месяц ни один наш лайнер не сможет подняться в небо, чтобы украсить своей статьёй голубые небесные дали хрустального свода воздушно-эшелонированных трасс.

Начальник службы организации перевозок: Верно-верно, у меня вот тут с собой три жалобы от пассажиров. Двое считают, что в наших самолётах сильно пахнет козлиным потом. А третий назвал сей аромат «букетом Пунических войн с участием боевых слонов». Пока кролики остались неразоблачёнными, у нас есть шанс. Но времени осталось немного. Тут и до скандала недалеко!

Начальник участка перронных бригад: Да в гробу я видел этих кроликов! Пусть приходят, пусть только попробуют у нас на перроне побезобразить! Уж мы найдём, чем встретить супостатов-ворогов! Мы же их просто очистителем ото льда на базе реактивного двигателя в кювет истории сбросим, уже поджаренных!

Командир лётного отряда: Точно не помню, где-то на загнивающем Западе, вроде бы есть авиакомпания, на эмблеме которой изображён кролик... Эх, может и нам уже пора? Детям понравится.

Заместитель командира авиапредприятия по управлению воздушным движением: Особенно девочкам, хех. Не знаю, что там с самолётами, а у диспетчеров на пультах вместо формуляров бортов иногда видно чьи-то серые уши. Шутка.

Мне бы ваши заботы, товарищи. Смешно, ей-богу!

Заведующий производством столовой предприятия: А вот я не был бы столь категоричен. Сегодня мне доложили, что на кухне кролики методично пожирают овощи. Но им этого мало, Они уже перешли на мясо. Недостача за недостаточей. В супе недовложения... О, генеральный секретарь, куда катится мир? Работники видят кроликов везде и всюду. Животные будто насмеяются над нами. А один, самый крупный производитель, даже набросился на заслуженную повариху Евдокию Силантьевну с недвусмысленными намерениями, которые выразились (по словам пострадавшей) в наглых приставаниях, рассказывании пошлых анекдотов и склонению к сожительству в подсобном помещении пищеблока.

Правда, на поверку вместо кролика встревоженным коллективом был обнаружен и обезврежен дворник **Евридип Фалесович Пескоструев**. Он был безобразно в стельку пьян. Из кроличьего на нём оказалась только зимняя шапка 64-го размера (артикул 5678-64), редкие усы вразлёт и косые глаза. Не совсем ясно, с какого перепугу заслуженная работница общепита Евдокия Силантьевна, мать троих детей, бабушка четырёх внуков, могла принять это ничтожество за элитного красавца фландр. Однако, уважаемые товарищи и коллеги, тенденция проявилась. Факт налицо! Пора заклеить позором нашего заячьего доктора!

Главный бухгалтер: Да, вот именно! И премии его лишить! А то, понимаете ли, мои девчонки в коридор боятся выйти без сопровождения. Они все молодые, ядрёные. В самом соку барышни. Представляете, как их мужья беспокоятся. Мы ведь уже в городе прогремели!

Замполит: Всё бы вам греметь, матушка... А уж звонить-то на каждом перекрёстке – это ваше любимое дело. Так бы и подрезал язычки-то ваши...

Но всё-таки проблема имеется. Признаем, что называется, без оглядки на собственные недостатки, то есть будем самокритичными.

И как нам наука объяснит такую демографическую катастрофу в рамках нашего предприятия, уважаемый Хома Филиппович?

Доктор Френ: Не поспевают строители за плодovitостью моих подопечных. Вторую очередь фермы ещё и под крышу не подвели, а фландры уже весьма умело поработали... так мать родна. А премию с меня ... оно конечно... Только вина-то моя в чём? В том, что лучших производителей для предприятия достал? Кроли-то... они такие... так мать родна, чтоб им век той премии не видать... С них станется.

Командир авиапредприятия: Выслушал я все мнения. Теперь обобщу. Поджаривать кроликов при посредстве реактивной тяги не рекомендую, иначе с виновника будет удержана стоимость необработанной шкурки. Да-да, а что вы хотели? Это же вам государствен-

ное имущество, а не какой-нибудь частнособственнический вздор. Линчевание кроликов – не наш метод!

Усилить бдительность на складах ГСМ. За качественный состав авиационного топлива начальник службы будет нести персональную ответственность, вплоть до увольнения.

Вздорные галлюцинации, свойственные женскому персоналу признать недействительными.

Наказывать нашего кролиководу считаю неуместным. Давайте мыслить позитивно. В связи с этим предлагаю следующее...

Бухгалтерии произвести расчёт увеличения квартальной премии... на 5 процентов за отлов каждых десяти неучтённых кроликов. В связи с ограниченным размером фермы предлагаю не сдавать ушастый урожай в епархию доктора Френа, а сразу же разделять и отправлять на стол передовикам производства. Замполиту предлагаю организовать учёт и контроль. Партия у нас всегда была в авангарде при решении подобных вопросов. Соответствующий приказ я подпишу уже сегодня.

Думаю, с таким подходом нас вскоре ждёт неминуемый успех... Что вы говорите? Неминуемый успех? Пусть так, хотя никакой принципиальной разницы я не ощущаю. За дело, товарищи!

* * *

Выписка из акта служебного расследования предпосылки к лётному происшествию в аэропорту ЭН-ска от такого-то, такого-то, такого-то года

...члены комиссии, рассмотрев все имеющиеся факты...

...при заходе на посадку в аэропорту города ЭН-ска командир воздушного судна №XXXXX, выполняющего рейс по маршруту **Столица – ЭН-ск**, Зайцев на высоте принятия решения визуально обнаружил массовое движение живых существ, напоминающее миграцию леммингов в период брачного гона, в районе торца ВПП. Пилот первого класса Зайцев принял решение уйти на второй круг...

...установлено, что разводимые в рамках ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ кролики (наиболее наглая и оголтелая часть коллектива) самовольно покинули территорию фермы, не согласовав свои действия с бойцами ВОХР...

...вопреки договорённости с аэродромной службой стая кроликов выбежала на край ВПП, что и привело к уходу рейсового борта на второй круг...

...командиру предприятия о неполном служебном соответствии...

...целесообразность разведения кроликов на территории аэродрома...

* * *

Как гром среди ясного неба! Указано о неполном служебном соответствии. Столица выражала своё недовольство. Командир же был весь на нервах. Сон в последний месяц стал прерывистым и невнятным. А ведь только-только перевалил за полтинник...

Да и железное здоровье, которым Имярек Сергеевич очень гордился, тоже начало подводить. Неврозы, неврозы... И всё из-за ушастых тварей. Как они могли, как они посмели так нагло подставить своего покровителя? Впрочем, это уже что-то из разряда психопатического срыва...

Ни сна, ни отдыха... и что-то дальше про душу, которая в последнее время стала напоминать отжатый лимон.

По громкой связи обозначился густой и жеманно-дразнящий голос секретарши:

– Имярек Сергеевич, тут к вам пришли. Замполит и... ещё один замполит. Тот, который фермой руководит... хи-хи... Запускать?

– Пусть входят.

Через минуту кабинет командира авиапредприятия выглядел точно так же, как и два с лишним года назад. Те же лица занимали те же места. Только внешне они сильно изменились. Командир постоянно тёр воспалённые от бессонницы глаза, замполит разжился нервным тиком в районе правой щеки. А Хома же Филиппович своим взлохмаченным видом и затянутостью на дополнительно проколотое отверстие в поясном ремне стал напоминать внезапно разжалованного и уволенного с продуктового склада прапорщика. Про таких говорят в народе, мол, только-только научился **беречь армейское имущество настоящим образом** (то есть без противоречий с уставом, но и не по его букве), как был отправлен в отставку.

– Вот что я скажу, братцы... кролики, – доверительно начал командир после приветствия, – не пора ли нам... того... прекратить это звериное безобразие? Мне уже досталось по первое число после известного случая с уходом пассажирского борта на второй круг. Не знаю, как ещё сразу не выгнали-то... Терпения больше нет никакого.

– И верно, – подхватил замполит, – забить всех этих кролей, обожраться от пуза, шкурки продать, а на вырученные от меха деньги купить свиней. Нечего было выпендриваться (*это уже тихонько, что называется, апорте*), а я предупреждал...

– Забить было б можно, коли все в одном месте сидели. А так... ничего не получится. Я для того и вас, Хома Филиппович, позвал. Знаете, как всех кролей единым махом известить, с гарантией... чтобы никто не смог утаиться... от возмездия?

– Это раз плюнуть, чумкой одного-двух заразить, через неделю все издохнут... так мать родна.

– Эй, вы чего? Заражённых же в пищу употреблять нельзя... – возмутился замполит.

– Ты не бойся, Иваныч. Сначала мы тех, кто доступен, забьём для народного удовольствия, а потом доктор оставшихся нам и заразит. Что, точно все сдохнут?

– А куда ж им деваться-то. Кроли они народ сурьёзный, быстренько друг дружку ухайдакают. Даже не извольте сомневаться... так...

– Так мать родна?

– Так мать родна!

* * *

Что ж, получилось то, что получилось. Не больше, не меньше. А переквалифицировать кроличьего замполита в комсомольского секретаря свиней – дело совсем пустяковое.

Вот, слышите забавную песенку со странными словами?

Айне-кляйне пороса вдоль по штрассеру струячит...

Да-да, именно это я и имел в виду. Сегодня доктор Френ в прекрасном расположении духа. А почему бы и нет, коли все свиньи целы, здороваются не по дням, а по графику привесов, и даже с некоторым его опережением.

Хома Филиппович ещё не знает, что свинару, оформленный на ставку авиатехника перронных бригад, сегодня утром застукал двух неприлично огромных фландров (северный авиационный вариант) в загоне со свиноматками... Жажда жизни, понимаете ли... чума её раздери...

В иные годы за выведение породы, легко переносящей эпидемии, можно было бы рассчитывать на Нобелевскую премию... Но ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА накладывала свой отпечаток на общественное видение проблемы. И это вам не пустой звук, клянусь Хью Хефнером...

10. Притча о Филькиной заднице

(четыре снаряда в одной воронке)

Продюсер группы «Лесоподвал» Арест Демьянович Уплетаев уже выходил из студии, когда его остановил коммерческий директор со странной греческой фамилией Бездраки, протягивая газету со статьёй о пропавшем где-то в океане пассажирском авиалайнере.

– Представляете, как стало опасно жить, дорогой мой Арест Демьянович. Кругом бури, потопаы, извержения (и не только семени!), грозы и сели, лава, пожары и грязь... Нормальному человеку по служебной надобности из дому-то отлучаться страшно.

– Так ведь и у себя, как говорится, в кондоминиуме – взглянешь новости одним глазком – жить никакого желания не остаётся. Если бы не долг гражданина...

– И не говорите, Арест Демьянович. Лишь исключительно непосильным трудом и спасаешься от мерзостей бытия.

– Да, о самолёте... Знаете, у меня недавно случай приключился. Когда я в Сочи летал относительно гастролей во время грядущей олимпиады.

Стою в аэропорту, жду начала регистрации. А тут ко мне старинный приятель подходит, он вторым пилотом в авиакомпании «Аэрофлот-2» летает. Внучку с дочерью на отдых провожать приехал.

Девчонка, внучка его, настоящее четырёхлетнее чудо с косичками. Носик кнопочкой, веснушки на щеках – сплошное очарование, а не ребёнок. И вот это прелестное создание спрашивает моего приятеля: «Деда, а мы, на каком самолёте с мамой на море полетим?» «На «Боинге»...» – отвечает тот. И тут девчонка напустила серьёзное выражение на своё кукольное личико: «На «Боинге»? – сделала паузу. – «Боинг», сцуко, опасная машина!»

Представляете, дитя дитём, а такие речи. И чего ей так «Боинг» не нравится? Дома разговоры какие-то были, не иначе.

– Из-э-xxx... Всё смешалось в доме чукотском!

Продюсер и коммерческий директор отправились отбивать вложенное в группу «Лесоподвал» «бабло». Когда дверь за ними закрылась, в студии воцарилась тишина. Но не гробовая, не гнетущая, а самая обычная тишина, которая ненадолго заполняет собой пространство, если в помещении есть кто-то, кто не умеет долго бороться с молчанием. Кто проигрывает собственной словоохотливости, практически так и не дав ей генерального сражения.

Впрочем, династическое безмолвие царствовало недолго. Звукооператор Станислав Петрович Портупеев потянулся, аппетитно хрустнув ревматическими суставами. Затем принялся весело насвистывать что-то из нового хита Тимы Биплана. А чего не посвистеть, если только что сведён самый сложный трек с альбома «Канам на кичу», который не сводился две с лишним недели. Портупеев воспарил из кресла методом самовозгонки и переместился в сторону кофемашины. Сейчас сделает пару глотков капучино и начнёт травить. Это – к бабке не ходи!

Музыканты уже были готовы распахнуть локаторы своих ушей навстречу словам Стаса. Приучились за несколько лет совместного творчества.

Вокалист Сеня Плесняков отложил в сторону свежий номер журнала для очень взрослых – «Playman»! Бас-гитарист Ассодулло Терентьев заскоблил медиатором по еле заметным следам брызг от некачественного виски деревенской выделки. Нет, нет-нет. Оказывается, он имеет дело со следами лака для волос, подумайте! Ничего себе – «эти свиристёлки на бэке» скоро всю студию в косметический салон превратят.

Ударник Драмсов вынырнул из кроссворда с фрагментами, фрагментами своего неоднозначного подсознания вынырнул. Соло-гитарист Фиников перегнал мочало прекрасно

разжёванного йеменского ката⁹ из одного угла рта в другой, а две налитые силиконом бэк-дамы (те самые свиристёлки, которые любят лакировать свои «сценические вавилоны» натуральным «Тафтом») загасили ароматные палочки ментоловых сигарет в баночке из-под мятного монпансье «Маастрихтский домовый» и прекратили обсуждать цвет блейзера, который они видели вчера «на этой корове голландской – Нелли» из туристического агентства «Эдем дас зайне»¹⁰.

Как ни странно, Стас кофе пить не стал, а полез в холодильник. В группе было принято, что во время работы никакого спиртного, даже пива! Но плевать Портупеев хотел на правила – сегодня он на коне, победитель, которому дозволено всё! Причём без страха оказаться осуждённым, если верить известной пословице.

Первый глоток из оригинальной бутылки с транспарантом «**Grolsch**» на зелёной груди хмельного гренадёра оказался затяжным, как ночной прыжок с парашютом в тыл врага. Станислав Петрович этим глотком будто разгладил все бессонные морщины на лице изнутри. Похорошел. Распетушился. Взлетел над обыденностью. Он был готов к рассказу. Слушатели, пережив театральную паузу на обострении любопытства, тоже оказались готовы. Не станем и мы делать вид, будто нам всё равно – послушаем Портупеева.

– Вот тут господа военные утверждают, что, де, два раза в одну воронку бомба не падает, если, конечно, это не НАТОВское чудо – крылатая ракета со звычайной точности наведением. Такие ракеты очень даже запросто попадают в одни и те же места дислокации разнообразного мирного населения с целью его, населения, защиты. Но о подобных случаях военные обычно не сообщают. Честь мундира сберегают, как говорится, на чёрный день цвета застиранного хаки.

Не, знаю, как там на самом деле обстоит дело с одной или двумя воронками у военных, но в моей истории всё произошло вполне мирно и точнѐхонько... Но не стану бежать вперѐди лидеров ралли «Париж-Дакар». Ни к чему хорошему это точно не приведѐт. Однако у меня есть пара слов в качестве эпиграфа...

Представляете, маловероятные события совпали по времени до такой степени точно, что остаѐтся лишь вспомнить, чему учит нас математическая статистика вместе с её мамой – теорией невероятности. Вспомнить и тихо отползти на подгибающихся конечностях в состоянии инфантильной разочарованности в науке, оперирующей факториалами, как жонглѐр булавами.

Не верите? Так я сам был не только свидетелем, но и участником в той истории, когда совместились три невероятно невероятных события. Совместились, оставили людей в недоумении, а кое-кому направление к психотерапевту пришлось выписывать для поднятия трупового тонуса. Хорошо, не стану уже вас дразнить, а просто изложу всё, как было. Сейчас-сейчас, едва лишь крабовой консервой закушу умеренно-проникающий глоток пивного содержания наружного облика (*здесь правдивый автор вынужден заметить, что Портупеева занесло в такие словесные дебри, что говорить о них не стоит совершенно*)...

Не торопите, ребяташки. Пиво требует к себе вдумчивого отношения. А когда его деликатесной массой морских даров сдабриваешь, то тут вообще разговор особый... Что? Знаете вы нечто про подобный случай? Хорошо, после эту историю изложите. Перехожу к рассказу своей. Вот она, собственно...

Думаете я всегда звукооператором был, образование соответствующее получив? А вот и дудки! Специальность моя по диплому называется так – эксплуатация средств контроля и расшифровки полѐтной информации.

⁹ Йеменский кат – это растение запрещено как наркотическое во многих мусульманских государствах, Саудовской Аравии в частности, а также на большей территории юга и востока, но только не в Йемене, где кат считается национальным достоянием, и продают его на каждом шагу.

¹⁰ **Jedem das Seine** (нем.) – каждому своё.

Первое время я на севере обретался после того, как синим дипломом получил на всю свою красную морду. По распределению. Сейчас уже молодые выпускники ВУЗов и не знают такого слова. Для них звучит неправдоподобно то, что нам казалось вполне естественным и само собой разумеющимся. В годы моей юности, стоило тебе институт закончить, государство не только обеспечивало специалиста работой, но и обязывало три года трудиться на определённом месте в какой-нибудь Тмутаракани. Именно это и называлось распределением. Так вот, ближе к телу, ибо пора уже и *отелиться*.

Кстати, как ни странно, история моя и с коровами связана.

Итак, будучи распределённым в северные края, первоначально попал я в страшную глухоманистость, где ни про какую расшифровку информации из «чёрных ящиков» воздушных судов – моя специальность – речи не шло. Называлось это местечко – деревня Упильма.

Про глухомань я, конечно же, погорячился. И про деревню тоже. Не деревней именовалось место моего первоначального пребывания на севере, а селом. Да и история его и традиции местные восходят к временам Иоанна IV (Грозного) и борьбы за престол, вызванную этой борьбой опричнину. Основателями Упильмы считаются выходцы из Новгорода Великого, которые сбежали от гнева и «наград» государевых через болота и чащи в места практически по тем временам недоступные.

Почему я попал именно в это село, если там мне работы по специальности не оказалось? Так очень просто: командир авиационного отряда попросил. В Упильме не хватало технического персонала в службе, обеспечивающей воздушное движение. Мало ли, что специальность у меня не та. Главное, что об авиации имею представление, а не полный дилетант в данной области. Командиру попробуй отказать, сразу начнутся санкции и прочая лабуда, от которой о тебе слава дурная пойдёт как о работнике. Так считалось правильным в те времена, ребята: было принято с руководством не спорить. Сейчас, конечно, если что-то не устраивает, любой желторотик может дверью хлопнуть, генерального директора послав по известному адресу. Демократия, политкорректность...

Но это всё лирика. Давайте и физике дань уважения воздадим.

Одним словом, сижу я в этой самой Упильме и обслуживаю радиостанцию с радиоприёмником. С их помощью диспетчер с экипажами пролетающих воздушных судов связь держит. Ну, что значит обслуживаю? Сижу и жду отказа, как пожарный возгорания ожидает. На скошенное поле, которое изображает ВПП (взлётно-посадочную полосу) из окна покосившейся деревянной «башни» (сугубо авиационное название места обитания диспетчера взлёта, посадки и руления) взираю на фоне «белых ночей». Дело как раз летом происходит: так что – далеко видать круглые сутки. Европейский Север – это вам не шуточки. Здесь всё конкретно: зимой – ночь, летом – день; и то и другое – круглосуточно.

Дивлюсь на этакую красоту, а сам дни до дембеля считаю, как полагается солдатам срочной службы. Только они увольнения «на гражданку» ждут, а я – того момента, когда меня заберут в районный центр работать по специальности.

Меж тем, всё тихо и патриархально в далёком северном селе происходит. Редкий самолёт или вертолёт своим вниманием наши пенаты балует, согласно центральному расписанию. Так что работа, в общем-то, не настолько и напряжённая. Просто очень уж от мест обитания большой авиации удалённая. И выходит, что работаю я в режиме пожарного: меньше бдишь на рабочем месте, нежели дремлешь, ароматами северного лета околдованный.

Но случилось и мне на своём селе прославиться. Не скажу, чтобы в позитивном смысле, но и негатив больше с оттенком юмора приключился. В те редкие дни недели, когда к нам в Упильму пассажирский рейс из областного центра прилетал, на территории предприятия стягивались практически все технические силы, которые обычно в это время года своим трудом славили личные приусадебные участки.

Вот и в тот день все специалисты и матчасть стоят «на стрёме»: пожарный ГАЗик, который специально по такому случаю подкатили прямо к перрону, два удалых и в меру трезвых техника, готовых обслужить рейсовый борт, как учат их руководящие наставления. Диспетчер же, конечное дело, сидит у себя в «гнезде», и уже на связь вышел с рейсовым самолётом. Он, впрочем, всегда на связь выходит с пролетающими мимо бортами. Это не дурная привычка, нет. Это всего лишь образ жизни.

Итак, хотел было диспетчер разрешить посадку пассажирскому самолёту с подветренным курсом, как тут случилось два интересных события. Во-первых, на ВПП вышло стадо коров, которых потерял из поля зрения сельский пастух. И что животным приглянулось на выжженных остатках скошенной травы, никому неизвестно, но шли коровы уверенно и массово, как обычно случается с патриотами во время демонстраций протеста против произвола властей, запрещающих молотить арматурой по головам людей с азиатскими и африканскими корнями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.